

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

БЛОКАДА И ШТУРМЪ КАРСА.

(по неизданнымъ запискамъ Я. П. Бакалова и рассказамъ прочихъ участниковъ въ событіи).

1855 г.

Сбрынь волонгъ въ ногѣ ризень,
Вродимъ хлѣбикъ по почанъ —
И себѣ ти славы ищешь,
И несешь ти смерть врагамъ.....
(Кавказъ гѣсны 1855 г.)

I.

Бакаловъ.—Обложеніе Карса.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1854 года, вмѣсто князя Михаила Семеновича Воронцова намѣстникомъ кавказскаго края и главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ назначенъ былъ генераль отъ инфантеріи, генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, командовавшій до того войсками гренадерскаго корпуса.

По осмотрѣ кубанской линіи, главнокомандующій прибылъ на лѣвый флангъ въ исходѣ января мѣсяца 1855 г. Генераль-майоръ Яковъ Петровичъ Бакаловъ, по званію начальника кавалеріи, выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ донскимъ казачьимъ полкомъ *) и встрѣтилъ поѣздъ на пути изъ крѣпости Воздвиженской въ Грозную, около Ермоловскаго кургана, совсѣми военными почестями. Муравьевъ вышелъ изъ экипажа. Баронъ А. Е. Врангель, командовавшій тогда войсками лѣваго фланга, тотчасъ представилъ ему Бакалова, и главнокомандующій, обвинувъ его съ ногъ до головы пристальнымъ взглядомъ, сказалъ отрывисто:

— «Садитесь со мной въ коляску: мнѣ надо говорить съ вами!»

Надо сказать, что еще въ концѣ 1854 г. Бакаловъ, тяготясь своимъ положеніемъ въ Грозной, гдѣ съ званіемъ начальника кавалеріи лѣваго фланга не было сопряжено никакихъ постоянныхъ обязанностей**), началъ хлопотать о переводѣ въ южную армію. Война, принимавшая тогда громадныя размѣры на Крымскомъ полуостровѣ, манила его къ себѣ и общала дѣятельность, какою не могъ представить ему Кавказъ, который

*) Подполковника Фролова.

**) Такъ какъ кавалерія подчинялась ему только во время экспедицій. Въ прочее же время званіе начальника кавалеріи—могло считаться однимъ оффиціальнымъ титуломъ.

въ виду мірового событія долженъ былъ временно ограничиться только оборонительными дѣйствіями. Ничего не загадывая впередъ, ген. Баклановъ не разъ высказывалъ въ кругу своихъ собесѣдниковъ мысль, что масса донскихъ казаковъ, находившаяся при южной арміи, далеко не приносила той пользы, которую, по стариннымъ заслугамъ донцовъ, въ правѣ были отъ нея ожидать и требовать. Причина тому, по мнѣнію его, заключалась единственно въ недостаткѣ энергической власти, способной устранить тѣ злоупотребленія, которыя обыкновенно низводили донскіе полки на степень этапныхъ командъ, лишая ихъ возможности дѣйствовать въ полѣ, какъ дѣйствовали ихъ отцы и дѣды, озаренные вѣчною славою двѣнадцатаго года. Князь Горчаковъ сознавалъ это самъ, и принявшись хлопотать о переводѣ къ себѣ Бакланова, вошелъ въ переписку съ военнымъ министромъ (кн. В. А. Долгоруковымъ), а тотъ отнесся въ свою очередь къ Муравьеву. Новый главнокомандующій Кавказской арміей — отвѣчалъ, что Баклановъ по своимъ достоинствамъ и приобрѣтенному опыту въ тамошнемъ образѣ войны, совершенно необходимъ на Кавказѣ.

«Получивъ приглашеніе сопровождать главнокомандующаго въ Грозную», говоритъ въ своихъ запискахъ ген. Баклановъ: «я думалъ, что Муравьевъ коснется въ разговорѣ именно моего перевода; но вышло иначе. Смотри на казаковъ, скакавшихъ по сторонамъ экипажа, главнокомандующій замѣтилъ, какъ-бы мимоходомъ:

— «Здѣшніе казаки хороши, но на правомъ флангѣ лучше!

— «Я отвѣчалъ, что не видалъ казаковъ праваго фланга, но что могу увѣрить его, что духъ здѣшнихъ полковъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

«Затѣмъ наступило продолжительное молчаніе.

— «Знаете-ли вы, что я беру васъ съ лѣваго фланга на лезгинскую линію? сказалъ Муравьевъ, и, не ожидая отвѣта, прибавилъ: «тамъ будутъ находиться подъ вашею командою четыре донскіе полка съ конною батареею.... Такого количества казаковъ кажется не бывало ни въ чьей командѣ со времени вашего знаменитаго Платова»....

— «Я не современникъ Платова и не знаю, что находилось у него въ командѣ, отвѣчалъ я, стараясь быть краткимъ: но

въ здѣшнихъ экспедиціяхъ мнѣ приходилось командовать отрядами гораздо большими.

— «Дѣло не въ количествѣ войскъ, перебилъ меня Муравьевъ: а въ важности порученія, которое будетъ возложено на васъ; въ Грозной вы получите на этотъ счетъ подробныя приказанія»....

Послѣдствіемъ обзорѣній, сдѣланныхъ главнокомандующимъ на линіи, было то, что онъ убѣдился въ возможности направить отсюда въ Грузію восемь батальоновъ резервной дивизіи, три донскіе полка, двѣ пѣшія резервныя и одну донскую батарею. Донскіе полки должны были итти, подъ командою генераль-маіора Бакланова, въ Кахетію, гдѣ главнокомандующій намѣренъ былъ избрать центральный пунктъ для этого коннаго резерва, къ которому предполагалось въ послѣдствіи присоединить одинъ казачій полкъ изъ Грузіи. Этотъ летучій отрядъ, сильный въ своемъ составѣ, не долженъ былъ раздробляться, а находится въ полной готовности переноситься, куда-бы ни потребовала надобность. Этимъ распоряженіемъ главнокомандующій надѣялся оградить Сигнахскій и Телавскій уѣзды отъ новаго вторженія Шамиля; а кромѣ того, при личномъ разговорѣ съ Баклановымъ онъ объяснилъ ему, что всѣ войска лезгинской линіи будутъ находиться въ его непосредственномъ вѣдѣніи, и что съ этими войсками, въ случаѣ разрыва съ Персією, онъ долженъ будетъ итти къ ея границамъ.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца 1855 г., генер. Баклановъ выѣхалъ изъ Грозной, но по прибытіи въ Владикавказъ, гдѣ собирались донскіе полки, назначенные къ походу, онъ неожиданно получилъ предписаніе главнокомандующаго, что начальникомъ лезгинской линіи назначается генераль-лейтенантъ князь Андрониковъ, и что Баклановъ съ его летучимъ отрядомъ долженъ находится въ полномъ его распоряженіи.

«Такая перемѣна сильно меня изумила и огорчила», говоритъ Яковъ Петровичъ: «я хорошо понималъ, что находясь подъ командою князя Андроникова, я буду связанъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а между тѣмъ, если бы Шамиль повторилъ вторженіе въ Кахетію, какъ было въ 1854-мъ году, то общественное мнѣніе все-таки обвинило-бы не князя Андроникова, а меня, какъ начальника самостоятельнаго летучаго отряда. Съ этою мыслию я

не могъ помириться и откровенно высказалъ ее главнокомандующему, когда по приѣздѣ въ Тифлисъ подалъ формальный отпускъ съ тѣмъ, чтобы хлопотать о переводѣ въ южную армію.

— «А если я возьму васъ въ дѣйствующій корпусъ, останетесь-ли вы на Кавказѣ?» спросилъ меня Муравьевъ.

«Я отвѣчалъ, что останусь, если только главнокомандующему угодно будетъ дать мнѣ въ арміи соотвѣтствующее положеніе.

— «Хорошо, сказалъ на это Муравьевъ: поѣзжайте въ Александрополь: вы будете довольны вашимъ назначеніемъ».

Былъ уже май мѣсяць, когда Баклановъ выѣхалъ изъ Тифлиса, обгоняя по дорогѣ войска, со всѣхъ сторонъ тнущіяся къ Александрополю. Изъ Петербурга торопили открытіемъ кампаніи. Быстрые успѣхи союзниковъ съ каждымъ днемъ увеличивали необходимость въ скорѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ со стороны Анатолиі, чтобы уравнивать потери, понесенныя нами въ Крыму, на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Чѣмъ ранѣе открыли-бы мы кампанію, тѣмъ существеннѣе могло-бы быть ее вліяніе на общее положеніе дѣлъ въ Европѣ и на возстаніе Курдистана, на который у насъ рассчитывали. Но прежде чѣмъ перейти границу, главнокомандующій долженъ былъ озаботиться внутреннею обороною края, распоряженіями по лезгинской кордонной линіи, учрежденіемъ резервовъ внутри страны и наконецъ повѣркою состоянія войскъ и положенія дѣлъ въ Гурійскомъ отрядѣ. Все это надолго задержало приѣздъ главнокомандующаго въ Александрополь, и только въ началѣ мая дало ему возможность остановить свое вниманіе исключительно на дѣйствующемъ корпусѣ; начальство надъ нимъ поручено было генераль-лейтенанту Бриммеру.

Званіе начальника всей кавалеріи было упразднено. Драгунскіе полки, составившіе особую дивизію, поручены были въ команду генераль-маіора графа Нирода. Начальникомъ иррегулярной конницы назначенъ былъ генераль-маіоръ Баклановъ *).

*) Иррегулярная кавалерія состояла изъ семи полковъ: два донскіе, два сборные линейные (кубавской и терской линіи), два конно-мусульманскіе и одинъ куртинскій; кромѣ того къ ней причислялись три сотни карапаховъ и дивизіонъ черкесской милиціи.

Наконецъ всѣ приготовления были окончены и дѣйствующій корпусъ, перейдя границу двумя колоннами, сосредоточился, 28-го мая, въ с. Аджанъ-Кала, нѣсколько сѣвернѣе Карса. Здѣсь ожидали прибытія третьей колонны, которая, двигаясь со стороны Аджаріи, должна была овладѣть Ардаганомъ. Такъ какъ при этой колоннѣ не было конницы, то для открытія съ ней сообщенія изъ главнаго лагеря отправили линейный казачій полкъ и два дивизиона нижегородцевъ съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ Бакланова.

Онъ выступилъ ночью и, бросивъ въ сторонѣ большой ардаганскій трактъ, пошелъ напрямикъ, черезъ горы. Такъ какъ это было первое движеніе его въ Азіатской Турціи, то онъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ присматривался къ мѣстности, столь не похожей на мѣстность Чечни или кумысской плоскости, изучалъ характеръ и бытъ мирнаго населенія, собиралъ свѣдѣнія о регулярныхъ войскахъ противника, ѣздилъ съ развѣдами и по цѣлымъ суткамъ не сходилъ съ коня. Его неутомимость служила предметомъ общаго удивленія даже среди кавказцевъ, извѣдавшихъ всѣ трудности походовъ. Съ этого похода начинается та огромная популярность, которою Яковъ Петровичъ пользовался въ войскахъ дѣйствующаго корпуса.

«Оставивъ главный отрядъ, говоритъ одинъ изъ офицеровъ-участниковъ въ этой экспедиціи: мы шли напролетъ цѣлые сутки, по незнакомымъ мѣстамъ, безъ проводниковъ, безъ карты и къ ночи поднялись на горы, покрытыя еще глубокимъ снѣгомъ. Морозъ держался около 5 или 6 градусовъ. Люди, одѣтые по лѣтнему, сильно терпѣли отъ холоду. Я былъ дежурнымъ по отряду и, забившись въ палатку, старался отогрѣть свои ооченѣвшіе члены, какъ вдругъ на самомъ разсвѣтѣ ординарецъ доложилъ мнѣ, что генераль отправился въ драгунскія коновязи.

«Навинувъ на себя теплую шинель, я вышелъ изъ палатки, и что же увидѣлъ? Яковъ Петровичъ босикомъ, въ растегнутой рубашкѣ, поверхъ которой на-опахъ навинута было только одно холодное пальто, гулялъ по коновязи, пошучивая, какъ ни въ чемъ не бывало, съ драгунами, у которыхъ зубы, что называется, выбивали барабанную дробь. Увидѣвъ меня, онъ полушутя замѣтилъ, что ночью холодно. «Только не вамъ!» отвѣчалъ я, съ

удивленіемъ оглядывая легкій костюмъ генерала. Онъ засмѣялся. «Что нѣмцу смерть, то русскому здорово!» проговорилъ онъ громко и привазадь ударить подъеъмъ....»

Какъ ни торопился Баклановъ къ Ардагану, однакоже верстахъ въ пятнадцать отъ города съ нимъ встрѣтились милиціонеры, ѣхавшіе отъ Ковалевскаго *) съ извѣстіемъ, что Ардаганъ сдался безъ бою, и что колонна уже идетъ на соединеніе съ главными силами: Баклановъ спустился съ горъ и приеррылъ ея движеніе со стороны карскаго лагеря, мимо котораго она должна была проходить верстахъ въ десяти или въ двѣнадцати.

На другой день, по прибытіи колонны Ковалевскаго, изъ лагеря предпринята была рекогносцировка восточныхъ укрѣпленій Карса. Войска, ходившія съ Яковомъ Петровичемъ въ летучій отрядъ, оставлены были для отдыха, но самъ онъ получилъ приказаніе находиться въ свитѣ главнокомандующаго. Рекогносцировка убѣдила генераль-адъютанта Муравьева въ невозможности овладѣть Карадагомъ и заставила его перейти въ Мугараджикъ, чтобы осмотрѣть южную сторону крѣпости.

Переходъ сдѣланъ былъ 6-го іюня, а 14-го предпринята была вторичная рекогносцировка. Войска, прикрывавшія её, состояли изъ 16-ти батальоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ драгунъ и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ при 44 орудіяхъ. Турецкая пѣхота не выходила изъ-за своихъ окоповъ; но кавалерія въ продолженіи всей рекогносцировки стояла внѣ лагеря, въ молѣ, хотя и не удалялась отъ своихъ батарей далѣе пушечнаго выстрѣла. Даже турецкіе фланкеры не выѣзжали для перестрѣлки съ нашими конными цѣпами.

Съ того мѣста, гдѣ были остановлены наши войска, хорошо были видны турецкія укрѣпленія, раскинутыя по обоимъ берегамъ Карсъ-Чая. «Я тотчасъ замѣтилъ», говоритъ Баклановъ, «что вся оборонительная линія, прикрывающая городъ съ южной стороны вплоть до карадагской возвышенности, только что начинала еще воздвигаться и укрѣпленія не имѣли между собою надлежащей связи, а потому, если-бы безостановочно итти впередъ, то можно было занять ихъ прежде чѣмъ непріятель успѣлъ-бы стянуть свои силы, разбросанныя по ту сторону рѣч-

*) Генераль-лейтенантъ, начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи.

ки. Подѣхавъ къ главнокомандующему съ этою мыслию, я прямо высказалъ ему свой взглядъ на положеніе дѣлъ, прибавивъ, что настоящая минута есть самая благопріятная для овладѣнія Карсомъ и что въ противномъ случаѣ кампанія затянется на долго. Корпусный командиръ былъ того-же мнѣнія, но штурмъ не входилъ въ расчеты главнокомандующаго».

Въ соображеніяхъ своихъ объ общемъ планѣ кампаніи, Муравьевъ развиваетъ между, прочимъ, слѣдующее: «штурмъ Карса представляетъ нѣкоторые виды на успѣхъ, но можетъ быть и неудача. Въ послѣднемъ случаѣ, разстроенныя духомъ и силами войска, оставшіяся за значительнымъ урономъ, вынуждены будутъ отступить къ Александрополю, гдѣ и стоять въ оборонительномъ положеніи до окончанія кампаніи. Тогда все наше вниманіе будетъ отвлечено внутреннимъ состояніемъ Закавказскаго края, иновѣрное населеніе котораго будетъ готовиться къ возстанію; да и самая Персія скорѣе обнаружитъ свою вражду къ намъ. По симъ причинамъ полагаю, что къ штурму можно приступить только съ бѣльшею увѣренностію на успѣхъ, а это можно сообразить только по окончаніи всѣхъ рекогносцировокъ». «Если-бы», продолжаетъ онъ далѣе въ письмѣ къ военному министру: «въ моемъ распоряженіи находилось еще 15 тысячъ войска, то облокировавъ Карсъ, я безостановочно пошелъ-бы къ Арзеруму; но при настоящихъ силахъ я не рѣшусь дробиться подобнымъ образомъ, хотя буду стараться всячески избѣжать осады, которая, утомляя войска, связала-бы меня во всѣхъ движеніяхъ, тогда какъ я долженъ быть на-готовѣ двинуться въ случаѣ надобности и на встрѣчу могущимъ придти сюда новымъ турецкимъ войскамъ, а можетъ быть и къ персидскимъ границамъ. Но Карсъ покорить надо; а потому прежде всего полагаю дѣйствовать на всѣ тѣ способы, которые непріятель могъ-бы имѣть для усиленія гарнизона и подвоза продовольствія».

Главные интендантскіе склады турецкой арміи, по слухамъ, были учреждены по ту сторону Саганлугскаго хребта; но было извѣстно также, что и во многихъ окрестныхъ селеніяхъ находились продовольственные запасы, которые, по недостатку времени и средствъ, остались неперевазанными въ крѣпость. Для уничтоженія ихъ главнокомандующій началъ высылать летучіе отряды, изъ которыхъ одинъ, подъ личною командою Якова

Петровича, пренебрегая разлитіемъ рѣкъ, простеръ свои набѣги такъ далеко, что въ ночь на 9-е іюня дошелъ до с. Бегли-Ахматъ и Чаплакли, лежавшихъ уже у самой подошвы Саганлугскаго хребта. Баклановъ истребилъ здѣсь нѣсколько магазиновъ, разогналъ всѣхъ грековъ, занимавшихся у турокъ хлѣбопеченіемъ и такимъ образомъ первый указалъ дорогу въ мѣста, гдѣ, впоследствии, мы были полными хозяевами.

Убѣдившись, что слухи объ огромныхъ запасахъ, заготовленныхъ на противоположной сторонѣ горъ, были справедливы, главнокомандующій, въ началѣ іюня мѣсяца 1855 г., оставилъ часть дѣйствующаго корпуса для охраненія лагеря, перенесеннаго имъ въ Каныкёю, а самъ съ остальными войсками предпринялъ движеніе по арзерумской дорогѣ, съ цѣлю истребить эти запасы. Баклановъ командовалъ авангардомъ. Безъ выстрѣла онъ занялъ укрѣпленіе, покинутое турками на вершинѣ Саганлуга и, спустившись внизъ, напалъ въ Бардузѣ на башибузуковъ, у которыхъ отбилъ значительный аробный транспортъ. Въ Ени-кѣѣ, Каракурганѣ, Бардузѣ и Зевинѣ сожжено было затѣмъ болѣе тридцати тысячъ четвертей хлѣба, ячменя и другихъ запасовъ. Но бѣдствія турокъ этимъ не кончились. Теперь вниманіе главнокомандующаго обратилось на то, чтобы, стѣсняя непріятеля въ его укрѣпленныхъ линіяхъ, совершенно отдѣлить анатолійскую армію отъ областей, которыя она обязана была защищать и отъ которыхъ могла еще получать продовольствіе. Съ этою цѣлю, по возвращеніи къ Каны-кёю, онъ продолжалъ господствовать надъ арзерумскою дорогою посредствомъ отдѣльнаго кавалерійскаго отряда, расположеннаго при Тѣкмѣ и порученнаго въ команду Бакланова, который перехватывалъ транспорты, отбивалъ почты, ловилъ одиночныхъ курьеровъ, пробиравшихся съ депешами изъ Арзерума или Константинополя, и каждый день доставлялъ главнокомандующему новыя и важныя свѣдѣнія.

Убѣдившись наконецъ, что всѣ сообщенія блокированной крѣпости съ этой стороны были прерваны, главнокомандующій перевелъ въ Тѣкмѣ главные силы *) и началъ высылать летучіе

*) Съ этой позиціи, 28 іюня, Яковъ Петровичъ, по распоряженію главнокомандующаго, произвелъ рекогносцировку карскихъ укрѣпленій, которыя лежали на Чакамскихъ высотахъ по лѣвому берегу Карсъ-Чая и оставались до сихъ поръ еще неосмотрѣнными. Во время рекогносцировки Баклановъ

отряды для поисковъ по окружнымъ дорогамъ, ведущимъ въ Карсъ изъ Ардагана, Ольты, и Пенява.

Первый изъ этихъ отрядовъ порученъ былъ Бакланову.

2-го іюля, какъ только смерклось, войска назначенныя въ движенію собрались впереди аванпостной цѣпи. Тутъ были новороссійскій драгунскій полкъ, линейные казаки съ своею батареею, курды, карапахи и горская дружина. Скоро приѣхалъ Баклановъ и, собравъ вокругъ себя офицеровъ, отдалъ приказаніе итти, какъ можно осторожноѣе, не позволяя людямъ курить и разговаривать. Въ самую полночь войска сѣли на коней и, молча, при страшныхъ завываніяхъ бури, сопровождаемой ливнемъ, двинулись за генераломъ, ѣхавшимъ впереди съ проводникомъ татаринкомъ. Пользуясь воробьиною ночью, отрядъ прошелъ почти у самага подножія западныхъ укрѣпленій Карса и, съ восходомъ солнца, выйдя на сѣверную сторону, двинулся рысью по берегу какой-то рѣчки, на противоположной сторонѣ которой, по равнинѣ, скакали башибузуки. Были-ли они высланы изъ Карса слѣдить за нами, или это просто былъ сбродъ вооруженныхъ жителей,—только Баклановъ, торопясь въ Топаджуръ, куда непріятель высылалъ своихъ фуражировъ,—строго запретилъ завязывать съ ними перестрѣлку. Но карапахи, слѣдовавшіе въ хвостѣ колонны, не выдержали и перейдя рѣчку, бросились на башибузуковъ. Башибузуки ихъ смали. Завидѣвъ неустойку, всѣ милиціонеры бросились къ переправѣ, но Баклановъ заставилъ ихъ остановиться. Отрядъ двинулся дальше, не заботясь объ участи карапаховъ, предоставленныхъ въ наказаніе собственнымъ силамъ. А карапахамъ пришлось плохо. Прижатые къ обрывистому берегу, они не попали на переправу и, слѣшившись, вынуждены были залечь за камнями съ прикладомъ у щевы. Это спасло ихъ. Башибузуки, попавшіе подъ мѣткій огонь, повернули назадъ, а наши удалцы по добру по здорову перебравшись за рѣчку. Баклановъ не сказалъ имъ ни слова, считая ихъ достаточно наказанными уже за свою опрометчивость. Въ это время передовые казаки, завернувъ въ долину, увидѣли турецкую фуражировку. Вся иррегулярная кон-

нигъ перестрѣлку и отбилъ 30 арбъ, возвращавшихся въ крѣпость съ кошеннымъ сѣномъ. (Арх. генер. штаба: дѣла кавказскія за 1855 г. «О сдатѣ Карса»).

ница гивнула за ними въ шапки и турки, отрѣзанные отъ крѣпости, частію были изрублены, частію захвачены въ плѣнъ и только не многимъ удалось бѣжать въ сосѣднія горы.

Къ ночи отрядъ прошелъ еще верстъ пятнадцать и остановился въ долинѣ рѣчки Инджа-су, въ окрестныхъ горахъ которой укрывалась шайка Ишимъ-Оглы. Нѣкогда крестьянинъ князей Орбеліани, Ишимъ-Оглы долго разбойничалъ въ нашихъ предѣлахъ, но наконецъ, преслѣдуемый повсюду, бѣжалъ къ карапапахамъ и приобрѣлъ между ними извѣстность отважнаго и смѣлаго наѣздника. Съ открытіемъ войны онъ сдѣлался грозою нашихъ пограничныхъ селеній и скоро получилъ у турокъ чинъ штабъ-офицера и два знака отличія. О немъ говорили много съ начала весны, когда при анатолійской арміи находилось еще до шести тысячъ кавалеріи; но съ тѣхъ поръ, какъ эта кавалерія, запершись въ Карсѣ, по неволѣ отказалась отъ дѣйствія въ полѣ, онъ набралъ себѣ вольную шайку и жилъ съ нею въ горахъ, волнуя всю сѣверную часть карскаго пашалыка. Бакланову поручено было водворить спокойствіе въ сѣверныхъ санджакахъ и, если возможно, уничтожить Ишимъ-Оглы вмѣстѣ съ его шайкою.

Ночь была темная, дождь лилъ, какъ изъ ведра, а между тѣмъ людямъ не велѣно было спать и отрядъ, послѣ 40-ка верстнаго перехода, всю ночь держалъ лошадей въ поводу. Два дня ходили затѣмъ по горамъ, замыкающимъ карсскую равнину со стороны Ардагана, захватили нѣсколько ихъ вооруженныхъ разбойниковъ, но главное скопище откочевало въ Аджарію. На третью ночь позволено было наконецъ разложить огни, но вслѣдъ затѣмъ явились лазутчики съ извѣстіемъ, что какою-то турецкій отрядъ идетъ отъ Ардагана къ Карсу. Черезъ четверть часа отрядъ полною рысью шелъ уже на встрѣчу непріятеля; но такъ какъ свѣдѣнія не подтвердились, то Баклановъ послѣ кратковременнаго отдыха направился на перерѣзъ дороги, идущей изъ Олыты черезъ гельскій санджакъ и сдѣлалъ засаду почти подъ стѣнами Карса, рассчитывая, что турки, о которыхъ все еще носились неясныя слухи, вздумаютъ пробираться этою окольною дорогою. Убѣдившись однако-же, что непріятеля и въ этомъ направленіи ожидать нельзя, отрядъ передъ разсвѣтомъ обогнулъ опять шоракскія высоты и вышелъ на равнину, какъ

разъ въ своему главному лагерю. Замѣчательно, что послѣ шестидесяти-верстныхъ переходовъ, дѣлаемыхъ въ сутки, послѣ четырехъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ подъ проливнымъ дождемъ при рѣзкомъ и холодномъ вѣтрѣ—въ отрядѣ Бакланова не было ни одного заболѣвшаго солдата.

9-го іюля Баклановъ съ значительнымъ числомъ иррегулярной кавалеріи еще разъ обошелъ окрестности Карса, а вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій самъ предпринялъ вторичный походъ за Саганлугъ съ тѣмъ, чтобъ разбить Вели-пашу, стоявшаго у Керпи-Кѣва и отнять у гарнизона послѣднюю надежду на возможность выручки со стороны Арзерума.

Болѣзнь—послѣдствіе старинныхъ ранъ — помѣшала Якову Петровичу принять участіе въ этой экспедиціи. Однако-же наканунѣ своего отъѣзда Муравьевъ посѣтилъ Бакланова и долго бесѣдовалъ съ нимъ о цѣли своего похода. «Когда главнокомандующій», рассказываетъ Яковъ Петровичъ: «сказалъ мнѣ, что планъ заключается въ томъ, что кавалерія главнаго отряда, отправленная впередъ, должна обойти лѣвый флангъ непріятеля, и стать на его сообщеніяхъ съ Арзерумомъ, между тѣмъ какъ эриванскій отрядъ будетъ наступать на непріятеля съ фронта,—я отвѣчалъ, что выполненіе на дѣлѣ такого сложнаго маневра встрѣтитъ не малыя затрудненія, во-первыхъ, потому что съ правой стороны Керпи-Кѣва тянутся сплошныя болота, о чемъ я разузналъ подробно еще во время своего набѣга къ Бегли-Ахмату и Чаплаели, а во-вторыхъ, при подобныхъ дѣйствіяхъ трудно будетъ избѣжать недоразумѣнія между обоими начальствующими лицами». Главнокомандующій возразилъ мнѣ, что «этого опасаться нельзя, потому что дѣло отдано имъ въ надежныя руки». Къ сожалѣнію, случилось именно такъ, какъ я говорилъ: недоразумѣнія были и Вели-паша ушелъ въ Арзерумъ, не оставивъ въ нашихъ рукахъ ни одного солдата, ни одной повозки изъ своего обоза» *).

Въ то время, какъ главныя силы ходили за Саганлугъ, войска оставшіяся подъ Карсомъ подвинулись впередъ и стали лагеремъ у с. Комапуръ, верстахъ въ пяти или въ шести отъ крѣпости. Время было горячее; турки почти ежедневно стали

*) Подробности этого дѣла можно видѣть въ сочиненіи г. Лихутина: «Русскіе въ Азіятской Турціи»; стр. 323, глава XIV.

выходить изъ крѣпости въ значительныхъ силахъ, угрожая нападеніемъ на наши колонны, фуражировавшія по берегамъ Карсъ-Чая. Чтобы остановить непріателя, надо было держать его въ страхѣ, а этого можно было достигнуть только непрерывными тревогами на его сообщеніяхъ. Бриггеръ поручилъ генералу Бакланову взять линейный казачій полкъ съ дивизиономъ черкесской милиціи, и произвести поискъ къ сѣверу отъ Карса.

Баклановъ выступилъ 21-го іюля и, переночевавъ при устьѣ Бердыкъ-Чая *), на разсвѣтѣ слѣдующаго дня открылъ въючный транспортъ, пробиравшійся горными тропинками къ Карсу. И турки и казаки увидѣли другъ друга почти одновременно, но между тѣмъ какъ въючники стремились къ воротамъ укрѣпленія, стараясь избѣжать погони, Баклановъ во весь опоръ лѣтѣлъ на перерѣзъ и въ разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ крѣпости перехватилъ весь транспортъ **). Въ Карсѣ ударили тревогу. Толпы башибузуковъ, регулярная конница, пѣхота, орудія — все двинулось въ поле, но такъ какъ нашъ отрядъ, исполнивъ свое дѣло, сталъ отходить назадъ, то они не рѣшились преслѣдовать.

Сдавъ транспортъ въ Комацурѣ, Баклановъ отправился на новыя поиски. 24-го іюля утромъ онъ былъ за Карадагомъ, гдѣ мимоходомъ разогналъ турецкую фуражировку, отбилъ табунъ рогатаго скота, ходившій за Карсъ-Чаемъ и захватилъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Отсюда онъ перешелъ къ Меликъ-Кёю и, думая развить партизанскія дѣйствія, притянулъ къ себѣ еще летучіе отряды полковниковъ барона Унгерна изъ Ардагана, и Едигарова — со стороны Кюрюкъ-даринскаго поля. Оба отряда прибыли ночью на 26-е число и, такимъ образомъ, на главныхъ сообщеніяхъ анатолійской арміи съ сѣверными провинціями стала масса нашей кавалеріи силою до 2,000 коней.

«До сихъ поръ всё наши дѣйствія», писалъ Муравьевъ въ военному министру: «шли весьма успѣшно. Генералъ Бриггеръ, оставленный подъ Карсомъ съ строжайшимъ приказаніемъ не домогаться безъ меня покоренія крѣпости, развѣ представился бы въ тому благоприятный случай, котораго однакоже нельзя было предвидѣть, — съ небольшимъ числомъ кавалеріи содер-

*) Къ сѣверу отъ Карса.

**) Транспортъ состоялъ изъ 60 въюковъ съ виноградомъ.

жалъ городъ, посредствомъ дѣятельнаго и опытнаго генерала Бакланова, въ тѣсной и строгой блокадѣ; но 26 числа предпринята была имъ фуражировка, во время которой войска попали подъ выстрѣлы крѣпостной артиллеріи и понесли чувствительную потерю». Несчастное происшествіе это, по словамъ Муравьева, произошло «отъ ошибки и несвоевременной отваги, съ которою Бриммеръ подошелъ подъ непріятельскій лагерь безъ видимой пользы и надобности». Турки, замѣтивъ съ высотъ движеніе нашихъ колоннъ, подпустили ихъ на близкое разстояніе и вдругъ со всѣхъ батарей праваго берега (за исключеніемъ Карадага), открыли батальный огонь изъ орудій. Войска, засыпанныя ядрами, вынуждены были начать отступленіе съ большою потерю *). Потеря была бы еще значительнѣе, если бы войска не были скрыты отчасти волнистою мѣстностію.

Въ это время генералъ Баклановъ, ничего не зная о предпріятіи Бриммера, проходилъ съ своими летучими отрядами мимо карадагской возвышенности. Вдругъ онъ услышалъ страшную канонаду, загорѣвшуюся по южному фронту непріятельской линіи и, проскакавъ впередъ, съ удивленіемъ увидѣлъ нашу пѣхоту, отступавшую уже отъ нижняго турецкаго лагеря. Не понимая въ чемъ дѣло, но убѣдившись въ одномъ, что все вниманіе непріятели обращено въ ту сторону, Баклановъ бросился съ кабардинскою сотнею прямо на Карадагъ и, проскакавъ подъ самымъ брустверомъ, отхватилъ большое стадо рогатаго скота, ходившее на гласисѣ крѣпости. Пока ошеломленные турки собрались открыть по немъ орудійный огонь, — Баклановъ былъ уже внѣ выстрѣла и къ вечеру съ своею добычею возвратился опять на комацурскую позицію.

Неудачная фуражировка Бриммера настолько ободрила турокъ, что 28 іюля, въ полдень, пѣхота ихъ въ значительныхъ силахъ съ артиллеріею вышла изъ крѣпости и стала подниматься на высоты впереди нижняго Караджурана, въ двухъ или въ трехъ верстахъ отъ нашей позиціи. Не успѣли въ лагерь пробить тревогу, какъ обнаружилось, что подъ прикрытіемъ

*) Кромѣ нижнихъ чиновъ, мы потеряли убитыми: командира батареи подполковника Тальгрена, капитана генеральнаго штаба—Прохорова и смертельно раненымъ — командира тверскаго драгунскаго полка генералъ-маіора Кузовлевскаго.

этой колонны, турецкая конница спустилась на противоположной сторонѣ съ шоракскихъ высотъ и рысью пошла въ Бозгаламъ, куда потянулись также четыре батальона пѣхоты при восьми орудіяхъ. Такъ какъ еще наканунѣ, по возвращеніи изъ Меликъ-Кёя, Баклановъ сообщилъ Бриммеру, что турки ожидаютъ транспорта, который долженъ притти изъ Пеняка, подъ прикрытіемъ тысячи башибузуковъ,— то по первой тревогѣ Я. П. съ пятью казачьими сотнями въ карьеръ понесся къ Базгаламъ на перерѣзъ турецкой кавалеріи. За нимъ для поддержанія его, въ случаѣ надобности, отряжены были два батальона съ четырьмя орудіями. Остальные войска выведены были въ поле и стали строить боевой порядокъ лицомъ къ Караджурану. Всѣ ожидали общаго дѣла, но турки ограничились только большою фуражировкой.

По возвращеніи главнокомандующаго изъ-за Саганлуга, когда приступлено было къ тѣсной блокадѣ, Баклановъ назначенъ былъ командовать отдѣльнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, который, расположившись у Меликъ-Кёя, долженъ былъ наблюдать за сѣвѣрною стороною Карса *).

Но прежде чѣмъ стать на эту позицію, Яковъ Петровичъ еще разъ предпринялъ движеніе на ардаганскую дорогу съ тѣмъ, чтобы выслѣдить транспортъ, все еще стоявшій въ Пенякѣ и, если возможно, выманить изъ крѣпости часть гарнизона и разбить его въ полѣ. Для этого Баклановъ, зная что турки подсылаютъ лазутчиковъ слѣдить за его движеніями, часто останавливался ночевать въ такихъ котловинахъ, изъ которыхъ, повидимому, не было выхода.

— Чѣмъ хуже позиція, говаривалъ генераль Баклановъ — тѣмъ больше вѣроятія ждать непріятели; прошу васъ, господа, запомнить только мои наставленія: днемъ аванпосты успѣтъ дать знать заблаговременно о приближеніи непріятели, значить напрасно тревожить отряда нечего. Я требую строгаго исполненія моихъ приказаній, а не мелочныхъ формальностей. Приходите ко мнѣ и днемъ и ночью, приходите за-просто, такъ, какъ застаете меня (въ широкихъ казачьихъ шароварахъ, въ

*) Отрядъ состоялъ изъ полковъ: тверскаго драгунскаго, донскаго № 35, 1-го сборнаго линейнаго казачьяго князя Витгенштейна и дивизиона черкесской милиціи.

рубашкѣ, безъ скюртука). Теперь дни жаркіе, а такъ и легче и удобнѣе... Но помните, что ночью непріятель можетъ появиться внезапно, и намъ придется выдерживать бой, пока другіе не поспѣютъ отрѣзать ему отступление. Послѣ вечерняго водопоя всѣ лошади осѣдланы, мундштуки надѣты, люди спятъ въ аммуниціи. Въ драгунскихъ эскадронахъ ружья составлены въ козлы; по тревогѣ драгуны разбираютъ ихъ и строятся пѣшкомъ. Здѣсь, на пересѣченной мѣстности, они должны мнѣ замѣнить пѣхоту. Тверской пѣшинерный дивизионъ, казаки и милиція садятся на коней и ждутъ моихъ приказаній: одна часть встрѣчаетъ непріятели, другая—прикрываетъ коноводовъ».

«Подобными распоряженіями»—говоритъ очевидецъ—«руководствовались и прежніе летучіе отряды, ходившіе подъ командою этого генерала. Бывало, нѣсколько разъ въ ночь онъ самъ слетаетъ на аванпосты, самъ обойдетъ весь лагерь, правда, не надѣвая для этого формы, а по-просту, въ одной рубашкѣ, часто босикомъ, но за то ничего не проглядитъ его орлиный взглядъ, все замѣтитъ, все выслѣдитъ, и добрый геній его бодрствуетъ не рѣдко одинъ надъ спящимъ отрядомъ»*).

Проходивъ нѣсколько дней, и все-таки не выманивъ изъ крѣпости турокъ, смекнувшихъ, чѣмъ пахнетъ подобное дѣло, Баклановъ вернулся въ Меликъ-Кей **) и сталъ въ блокадную линію.

Раскынувъ ставку на высокой скалистой горѣ, съ которой видны были окрестности города, Баклановъ сдѣлался грозою турокъ, не позволяя имъ выглянуть изъ своихъ окоповъ. Его казаки непрерывно гарцовали подъ самыми укрѣпленіями и ни одинъ табунъ, выгоняемый на пастьбу, ни одна фуражировка, направлявшаяся изъ крѣпости, не ускользали изъ-подъ ихъ ударовъ. Самъ Яковъ Петровичъ не зналъ въ это время покоя: дни проводилъ онъ въ полѣ, на конѣ, гарцуя съ своими казаками, или въ палаткѣ, отсюда по цѣлымъ часамъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Ночь заставляла его внѣ лагера, пробиравашагося самъ-другъ, или самъ-третей. къ турецкимъ

*) Военный Сбор. 1863 года № 3: «Воспоминанія о Закавказскомъ походѣ 1854 и 1855 годовъ».

**) Селеніе это лежитъ по теченію Карсъ-Чая, верстахъ въ пяти или въ шести ниже города.

укрѣпленіямъ: тамъ онъ провѣрялъ показанія лазутчиковъ и личныя свои наблюденія, сдѣланныя днемъ въ подозрную трубу надъ новыми батареями, изучалъ окрестную мѣстность и скоро достигъ того, что зналъ каждый камень и кустъ, лежавшіе по дорогѣ къ Карсу. Турки знали страшнаго для нихъ генерала и, называя его «Бакланъ-пашею» и «Батманъ-влычемъ» (богатырь съ полупудовымъ мечомъ),—разсказывали чудеса о его сверхъ-естественной силѣ.

Какъ велико было нравственное вліяніе Якова Петровича на наши войска, объ этомъ можно судить потому, что иногда, во время фуражировокъ, онъ отдавалъ приказъ убирать аванпостную цѣпь и, лежа на высокомъ курганѣ съ неизмѣнною Ермоловскою трубою *), кричалъ солдатамъ: «ребята, не бойтесь, я самъ караюлю васъ!» Солдаты, до фанатизма вѣровавшіе въ Бакланова, кричали ура! и бросались выкашивать траву подъ самыми стѣнами крѣпости. «Почему имъ турки не рѣзали головъ», замѣчаетъ одинъ очевидецъ: «это остается тайною». Надо полагать, что, зная Бакланова, турки подозрѣвали военную хитрость и не хотѣли попасться въ ловушку. Два-три случая окончательно утвердили ихъ въ той мысли, что для Бакланова нѣтъ ничего невозможнаго **).

Набѣги Якова Петровича дѣйствительно отличались необыкновенною смѣлостію; такъ, напр., однажды, замѣтивъ стадо, ходившее на пастбищѣ между самыми укрѣпленіями, онъ поручилъ есаулу Наслѣдышеву отогнать, что можно, а самъ устроилъ засаду въ крутомъ оврагѣ при сліяніи Бердыка съ Карсъ-Чаемъ. Наслѣдышевъ съ двадцатью охотниками, среди бѣлаго дня, сдѣлалъ быстрый налетъ въ д. Калаба-Килисса, расположенную въ ущельяхъ около самаго города, и выхватилъ оттуда неприятельское стадо, несмотря на перекрестный огонь, открытый съ батарей, мимо которыхъ онъ долженъ былъ скакать съ своею до-

*) Эта труба подарена была Бакланову сыномъ А. П. Ермолова, Кладіемъ, служившимъ адъютантомъ при г.-а. Муравьевѣ.

**) Однажды въ разговорѣ съ плѣнными турками кто-то, шутя, сказалъ, что Баклановъ нѣсколько разъ ходилъ передѣлывать въ Карсъ по ихнимъ лагерямъ. Они тотчасъ же повѣрили и стали припоминать между собою какіе-то два случая, когда по лагерямъ ходилъ незнакомый человекъ такой наружности, которая на всѣхъ производила сильнѣйшее впечатлѣніе.

бычею *). Башибузуки пустились-было въ догонку, но замѣтивъ двѣ баклановскія сотни, скакавшія на нихъ съ опущенными пиками, повернули назадъ...

Въ другой разъ, гарцуя съ своими казаками **), Баклановъ вдругъ бросился на Карадагскія высоты и изъ-подъ самыхъ батарей, открывшихъ по немъ огонь ядрами и картечью, угналъ табунъ и взялъ девятнадцать плѣнныхъ.

Какъ ни великъ былъ страхъ, внушенный Баклановымъ, однакоже необходимость пополнять фуражные запасы заставляла ту ровъ время отъ времени высылать изъ Карса сильныя колонны фуражировъ. Если подобныя фуражировки назначались къ сторуѣ Меликъ-Кея, то въ прикрытіе къ нимъ, кромѣ башибузуковъ, назначалось обыкновенно нѣсколько полковъ регулярной конницы, пѣхота и артиллерія; принимались всевозможныя мѣры противу внезапныхъ нападеній и, несмотря на это, Баклановъ всегда захватывалъ колонны врасплохъ, наносилъ имъ страшныя пораженія, забиралъ лошадей, скотъ, оружіе и плѣнныхъ. Долго ни турки, ни наши солдаты не могли понять, какимъ образомъ Баклановъ знаетъ время, когда выходятъ турецкіе фуражиры. Изъ лагеря положительно нельзя было видѣть того, что дѣлается по ту сторону Карадагской горы, а между тѣмъ, едва растворялись крѣпостныя ворота, какъ казаки скакали уже изъ Меликъ-Кея и нападали, прежде нежели турецкіе гонцы изъ Карса успѣвали предупредить своихъ о грозящей опасности. Это наводило на ту ровъ суевѣрный страхъ, а дѣло въ сущности было простое: Баклановъ распорядился, чтобы пикетъ, стоявшій на самомъ отдаленномъ курганѣ, при появленіи непріятеля, поднималъ на пикѣ едва замѣтный бѣлый значекъ, который служилъ условнымъ сигналомъ, что надо было скакать на тревогу.

Первое подобное дѣло случилось 18 августа. Язовъ Петровичъ, спокойно сидѣвшій въ своей палаткѣ, вдругъ крикнулъ: «казаки на-кѣн!» и во весь опоръ понесся съ ними по лѣвому берегу Карсъ-Чая ***). Почему началась тревога, казаки узнали

*) Наслѣдышевъ контуженъ былъ при этомъ двумя ружейными пулями.

**) Это было 31 августа.

***) Это были дивизионъ черкесской милиціи и два полка донскихъ и линейныхъ казаковъ.

только тогда, когда, вскочивъ на Карадагскія высоты, увидѣли внизу большую турецкую фуражировку. Ошеломленные внезапнымъ нападеніемъ, турки бросились бѣжать, разметавъ по полю собранные вьюки съ травою и хлѣбомъ. Башибузуки усекали первыми. Въ погонѣ за ними казаки наткнулись на регулярную конницу, смяли ее и гнали почти до самыхъ воротъ укрѣпленія. Одно орудіе изъ батареи Двухжоннаго, заскакавъ впередъ, осыпало бѣгущихъ картечью... Уланы, башибузуки, фуражиры столпились въ одну беспорядочную массу и гибли подъ ударами казачьихъ шапекъ. Напрасно, чтобы отогнать казаковъ, турки начали дѣйствовать изъ орудій большого калибра: ядра летѣли надъ головами и вся наша потеря состояла изъ одного раненаго офицера-горца, да трехъ убитыхъ казачьихъ лошадей.

Другое, еще сильнѣйшее пораженіе неприятель понесъ 22 августа. Турки, фуражировавшіе въ этотъ день на правомъ берегу Карсъ-Чая, удалились отъ крѣпости на значительное разстояніе и дали возможность отрѣзать себѣ отступленіе. Черкесская милиція первая понеслась на тревогу и, перескочивъ Карсъ-Чай, гинула въ шапке. Башибузуки, превосходные чистомъ, осадили горцевъ. Къ счастью, на помощь къ нимъ подошли двѣ сотни линейцевъ, а вслѣдъ за ними прискакалъ самъ Баклановъ съ остальными казаками, орудіемъ и 14-ю ракетными станками.

Какъ только вся эта масса врѣзалась въ середину турецкихъ фуражировъ и ракеты пустили бѣглый огонь—башибузуки бѣжали въ разныя стороны. Большая часть ихъ была однакоже отрѣзана отъ Карса и истреблена въ быстрой погонѣ къ сторонѣ Александрополя. Въ эту минуту изъ крѣпостныхъ воротъ выѣхалъ полкъ турецкой кавалеріи и съ опущенными пиками кинулся вслѣдъ за казаками. Драгуны, спрятанные за Карадагскою высотой, пустились ему наперерѣзъ. Батарея Двухжоннаго снялась съ передковъ, ударила картечью и смѣшавшіеся уланы, обгоняя другъ друга, поскакали обратно... Пораженіе было рѣшительное. «Въ этомъ дѣлѣ», рассказываетъ Баклановъ: «я съ удивленіемъ видѣлъ, что выстрѣлы турецкихъ орудій были направлены не въ насъ, а въ толпы бѣжавшихъ башибузуковъ. значительная часть которыхъ была перебита собственными снарядами...»

Хлопотливый день смѣнился еще болѣе хлопотливою ночью, потому что турецкая кавалерія, вышедшая изъ Карса, вздумала пробиться въ Арзерумъ по Самоватскому ущелью и наткнулась на засаду, устроенную нижегородцами *). Яковъ Петровичъ не принялъ прямого участія въ истребленіи этой кавалеріи; но его распоряженія по блокадной линіи весьма содѣйствовали общему успѣху.

Наконецъ, послѣднее пораженіе нанесено было туркамъ въ полдень 11 сентября, когда Яковъ Петровичъ самъ устроилъ засаду подъ Карадагскими высотами. Какъ только турецкая колонна стала выходить изъ Карса, казаки разомъ кинулись на нее со всѣхъ стронъ, смяли и, несмотря на огонь открытый съ карадагскихъ батарей, гнали и рубили бѣгущихъ до самаго укрѣпленнаго лагеря. Одинъ кабардинецъ ворвался даже въ ворота, но былъ израненъ пиками и саблями башибузуковъ. Казаки однако же успѣли его выручить. Кромѣ этого кабардинца потери у насъ не было. Турки потеряли сорокъ двѣ лошади и 12 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ оказался безсмѣнный ординарецъ самого мушира. Въ донесеніи Баклановъ, по своему обыкновенію, не упоминалъ о числѣ убитыхъ турокъ, но полагалъ, что, приблизительно, потеря ихъ простирается до 40 человѣкъ, потому что, кромѣ труповъ, лежавшихъ на полѣ, лазутчики наши, бывшіе въ то время въ Карсѣ, видѣли, какъ провозили черезъ площадь шесть непріятельскихъ тѣлъ и 14 раненыхъ.

II.

Передъ штурмомъ.

Съ половины августа мѣсяца начали носиться слухи о сильныхъ подкрѣпленіяхъ, идущихъ на освобожденіе Карса. Въ первыхъ числахъ сентября было получено положительное свѣдѣніе о десантѣ, сдѣланномъ турками въ Батумѣ и о сосредоточеніи турецкой арміи на берегахъ Чороха. Эти-то извѣстія и были, какъ полагаютъ, главнѣйшими причинами, побудившими генералъ-адъютанта Муравьева измѣнить планъ своихъ дѣйствій и отважиться на приступъ, успѣхъ котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ главнокомандующаго, не подлежалъ никакому сомнѣнію.

*) Это было въ ночь съ 22 на 23-е августа 1855 г.

2-го сентября Яковъ Петровичъ неожиданно былъ вызванъ изъ Меликъ-Кёя въ главную квартиру, и слѣдующимъ образомъ описываетъ первый разговоръ, бывшій у него съ главнокомандующимъ по поводу предстоявшаго штурма:

— «Прибывши въ Чавгли-чай, я тотчасъ-же отправился въ главнокомандующему, не зная за чѣмъ меня требуютъ. Когда я вошелъ, Муравьевъ сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, на которомъ разложены были планы. Возлѣ него находились генераль-майоръ Броневскій и полковникъ Константинъ Кауфманъ *). Кромѣ ихъ въ палаткѣ не было никого. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько незначущихъ вопросовъ о состояніи Меликъ-бѣйскаго отряда, главнокомандующій вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

— «Яковъ Петровичъ! посмотрите сюда: можете-ли вы сказать, что это такое?» — Онъ показалъ рукою на развернутую карту.

«Я подошелъ къ столу и началъ внимательно разсматривать планъ, на которомъ красными и синими черточками обозначалось движеніе войскъ.

«Это планъ штурма!» — воскликнулъ я, не умѣя скрыть своего изумленія.

— «Такъ! вы угадали, живо возразилъ Муравьевъ.—Скажите же мнѣ, что вы можете сдѣлать съ своею кавалеріею, если я поведу атаку на Шорахскія высоты?»

«Этотъ вопросъ поставилъ меня въ затрудненіе.—Я зналъ, что главнокомандующему были уже извѣстны мои сужденія, не разъ высказываемыя въ кругу сослуживцевъ о невозможности въ то время штурма, а потому рѣшился быть осторожнѣе.

— «За всю мою долговременную службу я не приучилъ себя въ подобныхъ случаяхъ давать свои личныя мнѣнія, отвѣчалъ я уклончиво. Съ меня довольно въ точности исполнить ваше распоряженіе. Приказывайте!—И если ваши приказанія будутъ удобоисполнимы, вѣрьте, сдѣлаю болѣе того что вы желаете, въ противномъ случаѣ не будьте ко мнѣ взыскательны.

«Муравьевъ не далъ договорить мнѣ.

*) Полковникъ Кауфманъ исполнялъ должность начальника инженерова дѣйствующаго корпуса, а генералъ Броневскій—былъ начальникомъ военной канцеляріи главнокомандующаго.

— «Знаю, знаю, что вы хотите сказать этимъ, перебилъ онъ съ досадою: но предвараю васъ, мое рѣшеніе неизмѣнно.— Скажите одно: если я атакую Шорахъ, можете ли вы съ кавалеріею заскakatъ въ тылъ шорахскимъ укрѣпленіямъ?»

— «На такой вопросъ я не могу отвѣчать сію минуту, дайте мнѣ время подумать: я осмотрю мѣстность и тогда доложу обстоятельно.

— «А какъ вы изучите мѣстность?»

— «Въ одну прекрасную ночь я отправлюсь лично съ моими пластунами къ чакмахскимъ батареямъ, осмотрю ихъ, измѣрю рвы и спущусь въ шорахскій оврагъ, чтобы видѣть куда вести кавалерію.

— «Этого не можетъ быть! сказалъ Муравьевъ.

— «Въ такомъ случаѣ я докажу вамъ противное.

— «Хорошо, посмотримъ; черезъ два дня я жду вашего отвѣта.

«Затѣмъ онъ изложилъ въ короткихъ словахъ общее начертаніе штурма и отпустилъ меня, предваривъ, чтобы все сказанное оставалось до времени въ тайнѣ.

«Возвратясь домой, я тотчасъ потребовалъ къ себѣ своего безсмѣннаго ординарца Скопина, и приказавъ ему, съ тремя пластунами *), ночью пробраться на Чакмахъ и осмотрѣть турецкія укрѣпленія.

— «Не допускаю мысли, сказалъ я ему на прощаніе, чтобы ты, мой неизмѣнный боевой товарищъ, отступилъ передъ опасностію; но предвараю, что завтра ты поведешь меня и, если твои показанія окажутся невѣрными, я, какъ трусу, собственною рукою размозжу тебѣ голову.

«Какъ только стемнѣло, я самъ проводилъ пластуновъ за аванпостную цѣпь и, возвратясь въ палатку, провелъ цѣлую ночь въ самомъ мучительномъ состояніи. Сонъ меня покинулъ; мнѣ все казалось: вотъ-вотъ гдѣ-нибудь раздастся предательскій выстрѣлъ и мои пластуны будутъ открыты. Я вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, но сколько ни напрягалъ и слухъ и зрѣніе, ни единого звука не долетало до меня со стороны непріятеля.—Нѣтъ, видно мои молодцы работаютъ на чистоту, показавъсьи, подумалъ я, и только сталъ забываться дремотою, какъ

*) Въ число ихъ Бакиановъ назначилъ своего младшаго сына. В. П.

слышу, кто-то называлъ меня по имени. Это былъ Скопинъ, съ своими товарищами...

«Они передали мнѣ слѣдующее:

«Вся линия чакмахскихъ укрѣпленій, обращенная фронтомъ въ сторонѣ Меликъ-Кея, тянется отъ самой рѣчки Карсъ-Чаъ вплоть до шорахскаго оврага и состоитъ изъ трехъ люнетовъ, вооруженныхъ 15-ю орудіями и связанныхъ между собою непрерывнымъ брустверомъ. — Люнеты закрыты съ горжи; но, благодаря ничтожности рвовъ, могутъ быть взяты одною кавалеріею. За то, лѣвѣе ихъ, на самомъ изгибѣ шорахскаго оврага находится фортъ, называемый Вели-Табію, который носитъ характеръ временнаго укрѣпленія и вооруженъ тридцатью двумя орудіями; глубокіе рвы снабжены подъемнымъ мостомъ, убирающимся однако-же на ночь. Самый оврагъ, по словамъ Скопина, былъ доступенъ для кавалеріи только въ своихъ верховьяхъ; но далѣе оканчивался вездѣ такими обрывами, что всадники могли спускаться въ него не иначе, какъ перевода лошадей въ поводу подъ огнемъ съ четырехъ батарей, расположенныхъ на ближней картечный выстрѣлъ.

«На слѣдующій день, какъ только смерелось, я, въ сопровожденіи трехъ пластуновъ, вполне мнѣ преданныхъ, выѣхалъ изъ лагеря. Оставивъ на главной заставѣ своихъ лошадей, мы пѣшкомъ поднялись на Чакмахскую гору и стали подбираться къ турецкимъ редутамъ такъ тихо, что часовые, ходившіе на валахъ укрѣпленій, не обратили на насъ ни малѣйшаго вниманія. Къ полуночи всѣ батареи были осмотрѣны, рвы вымѣрены, орудія сосчитаны и шорахскій оврагъ изслѣдованъ до самой Вели-Табіи. Отсюда я повернулъ назадъ и благополучно выбравшись къ своимъ аванпостамъ, отпустилъ пластуновъ, а самъ, не переодѣваясь, какъ былъ въ походномъ полушубкѣ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ главную квартиру.

«Несмотря на ранній часъ утра въ ставкѣ главнокомандующаго горѣли свѣчи. Онъ принялъ меня немедленно и я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему результаты своего осмотра. «Кавалерія», сказалъ я: «должна скакать на протяженіи трехъ верстъ подъ огнемъ сорока семи орудій. Девять десятыхъ изъ нея конечно останется на мѣстѣ, и если на Шорахъ прискачутъ со мною триста, четыреста всадниковъ, они не принесутъ ни малѣйшей пользы.

«Главномандующій замѣтилъ, что я преувеличиваю опасность.

— «Я сужу по мѣстности, которую видѣлъ, отвѣчалъ я: но впрочемъ, если будетъ угодно, пошлите со мною одного изъ вашихъ довѣренныхъ лицъ: я проведу его съвозъ линію турецкихъ укрѣпленій и тогда вы будете имѣть подробный планъ, начертанный искусною рукою.

— «Этого не нужно, возразилъ главнокомандующій: я вѣрю вашимъ словамъ. Но что же вы беретесь сдѣлать съ вашею кавалеріею?

— «Сдѣлаю все, что будетъ возможно. Но прежде я попрошю бы откровенно высказать свои собственныя мысли. Выслушавъ меня, быть можетъ вы остановитесь, быть можетъ нѣтъ: по крайней мѣрѣ я не упрекну себя въ молчаніи.

— «Говорите, сказалъ Муравьевъ: посмотримъ, какъ вамъ удастся поколебать мое непреклонное рѣшеніе.

— Если ваше рѣшеніе дѣйствительно непреклонно, отвѣчалъ я: въ такомъ случаѣ я все-таки исполню свой долгъ и буду откровененъ. Позвольте предложить вопросъ: съ какого разстоянія осмотрѣны, сняты и нанесены на этотъ планъ карскія укрѣпленія?

— «Въ телескопъ, отвѣчалъ главнокомандующій.

— «Значитъ, на разстояніи семи, а можетъ быть и болѣе верстъ.

— «Да. Вы хотите сказать, быстро перебилъ меня Муравьевъ: что этотъ планъ не можетъ быть вѣренъ?

— «Болѣе. Я удивляюсь, какъ ваше высокопревосходительство рѣшаетесь основывать на немъ свои предположенія, когда на разстояніи какой-нибудь полуверсты зоркій глазъ, вооруженный отличнымъ биноклемъ, меня обманываетъ. Въ прошедшій разъ вамъ было угодно показать мнѣ на планѣ ворота, въ которыя должна войти 18-я дивизія. Вы говорили: «ворвавшись, полки распространятся направо и налево по валамъ укрѣпленія». На это скажу вамъ: не разъ, а десятки разъ въ лунныя ночи проѣзжалъ я съ моими пластунами по этимъ мѣстамъ въ разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла отъ непріятеля, и признаю: триумфальныхъ воротъ, поставленныхъ для торжественнаго вступленія нашихъ войскъ, не видѣлъ. Тамъ есть калитка, куда спѣ-

шенные кавалеристы водятъ своихъ лошадей, но если туда попасть дивизія—она будетъ разстрѣляна, прежде чѣмъ головная рота успѣетъ протѣсниться въ эти ворота. Время удобное для приступа, продолжалъ я: нами пропущено. Карсъ надо было брать, пользуясь тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело на турокъ прибытіе нашего корпуса, сильнаго, бодрого и страшнаго своими побѣдами. Теперь впечатлѣніе это ослабло; турки опомнились; они возвели на нашихъ глазахъ цѣлый рядъ укрѣпленій и будутъ драться отчаянно, полагая, что неудача заставитъ насъ отступить отъ крѣпости.

— «Далѣе: успѣхъ вашъ вы основываете на томъ предположеніи, что найдете непріятельскія батареи открытыми съ горжи. Можетъ быть это и такъ, но на Чамахъ есть горжи; нѣтъ, стало быть, причины предполагать, чтобы ихъ не было и на Шорахъ. Къ тому же въ войскахъ не приготовлено ни лѣстницъ, ни фашиннику, а безъ этихъ пособниковъ исторія не учить насъ брать сильныя крѣпости. Если вамъ извѣстны инныя средства, научите имъ прежде насъ, вашихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Простите мнѣ выраженія, облеченныя можетъ быть въ рѣзкую форму. Не приучилъ я себя съ-молоду говорить иначе. Не скрою отъ васъ и того, что блокируя Карсъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, мы ровно ничего не сдѣлали, чтобы ознакомиться съ положеніемъ крѣпости. Колонны конечно двинутся ночью, но тѣ, кто поведетъ ихъ, не зная мѣстности, могутъ ошибиться направленіемъ или встрѣтить препятствія, о которыхъ никогда не думали. Этихъ случайностей вы отвратить не можете, а между тѣмъ онѣ способны обратить въ ничто всѣ ваши расчеты, и тогда тяжелая отвѣтственность въ потерѣ лучшей и храбрѣйшей арміи ляжетъ прямо на васъ, ея главнокомандующаго.... Не торопитесь приступомъ: время года, скудные съѣстные припасы гарнизона—все предвѣщаетъ близкое паденіе крѣпости. Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два Карсъ со всею Анатолією и безъ пролитія крови будетъ въ вашихъ рукахъ. Но если обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя, побуждаютъ васъ безотлагательно испытать для покоренія крѣпости такое крайнее средство, какъ приступъ, тогда ведите главную атаку противу Чамахскихъ высотъ: онѣ доступны и могутъ быть взяты съ меньшею потерю, нежели Шоракскія. Завладѣвъ Чак-

махомъ, мы охватимъ сильныя шоракскія укрѣпленія съ тылу и гарнизонъ ихъ, лишенный сообщенія съ крѣпостью, вынужденъ будетъ или заблаговременно очистить редуты, или пробиться въ поле, или штурмовать насъ самихъ на Чахмахъ. Но то и другое и третье совершенно немыслимо для турокъ. Вѣрнѣе всего они положатъ оружіе. Говорю это съ увѣренностію, потому что знаю Чахмахъ и Шорахъ не по однимъ рассказамъ. Скажу еще болѣе: съ одною моею кавалеріею я берусь занять всю линію чакмахскихъ батарей, за исключеніемъ Вели-Табіи. Поддержите меня.

— «А сколько вамъ надо пѣхоты? спросилъ главнокомандующій.

«Восемь батальоновъ.

— «Этого я не могу дать.

«Въ такомъ случаѣ не могу принять на себя и отвѣтственности за успѣхъ предпріятія, отвѣчалъ я: Вели-Табія очень сильна, а не завладѣвъ ею, нельзя будетъ удержаться и на Чахмахъ: турки разстрѣляютъ насъ перекрестнымъ огнемъ. Но разъ рѣшаясь на штурмъ, не пожалѣйте войска. Шорахъ вы не возьмете и съ 15-ю батальонами, въ этомъ да будетъ вамъ порукою моя голова, посѣдѣвшая въ битвахъ.

«Муравьевъ медленно приподнялся съ мѣста.

— «Генераль, сказалъ онъ рѣзко, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ: въ отвѣтъ на вашу рѣчь напомию вамъ русскую поговорку: яйца курицу не учатъ, а слушаютъ. Вы слишкомъ опрометчиво ручаетесь своею головою; поэтому я возвращаю вамъ ваше слово назадъ. Возвратитесь къ отряду. Наканунѣ пристуца получите вы приказанія, которыя я обязываю васъ исполнить въ точности.

«Съ тяжелымъ предчувствіемъ выѣхалъ я изъ главной квартиры, давъ себѣ слово болѣе ни во что не вмѣшиваться и исполнять только то, что будетъ приказано. Случай заставилъ меня однако же скоро отказаться отъ моего намѣренія. Разъ, передъ вечеромъ, я лежалъ въ своей палаткѣ и по обыкновенію смотрѣлъ въ подзорную трубу на то, что дѣлается въ Карсѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что на Чахмахъ происходитъ какое-то необыкновенное движеніе. Я началъ вглядываться и вскорѣ убѣдился, что турки производили ученье: войска ихъ по барабан-

ному бою входили въ редуты и стройно, безъ суматохи становились на валахъ укрѣпленій. Какъ молнія мелькнула въ головѣ моей мысль, что турки знаютъ о предстоящемъ штурмѣ, и я, подъ этимъ впечатлѣніемъ, схвативъ перо, тотчасъ написалъ записку къ главнокомандующему. Муравьевъ оставилъ ее безъ отвѣта».

Между тѣмъ, спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія, въ полдень 11-го сентября *) съ Карсской цитадели вдругъ загремѣли пушечные выстрѣлы. Турки стрѣляли холостыми зарядами и, какъ мы узнали впоследствии, праздновали паденіе Севастополя. Это печальное событіе только ускорило роковое рѣшеніе главнокомандующаго. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ генераль-адъютантъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ о войнѣ въ Малой Азіи: «Видимое изнеможеніе непріятеля, бодрое состояніе нашихъ войскъ, духъ, оживлявшій ихъ, негодованіе, порожденное паденіемъ Севастополя, желаніе отмстить врагу и всеобщій порывъ къ бою служили въ то время лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ—и приступъ Карса былъ рѣшенъ въ мысляхъ генерала Муравьева» **).

Предпріятіе это хранилось однако-же въ величайшемъ секретѣ.

«Войска», говоритъ Муравьевъ въ письмѣ своемъ къ военному министру: «домагались штурма, но я воздерживалъ порывы, выражавшіеся въ разговорахъ, пока не настало для этого время, и сіе мнѣніе мое, прежде рѣшенія, передалъ я на обсужденіе опытнѣйшимъ изъ моихъ сотрудниковъ, единогласно признавшихъ необходимость штурма».

Дѣйствительно, 15-го сентября главнокомандующій собралъ у себя нѣсколько лицъ, пользовавшихся его особенною довѣренностію ***); но въ строгомъ смыслѣ это не былъ военный совѣтъ, потому что вопросъ о томъ—быть или не быть штурму—не былъ передаваемъ на общее обсужденіе. Генераль-адъютантъ Му-

*) Въ то самое время, когда Яковъ Петровичъ имѣлъ извѣстное уже намъ дѣло съ турецкими фуражирами.

***) Изъ записокъ г.-а. Муравьева о войнѣ 1856 г. въ Малой Азіи (Рус. Вѣстникъ 1863 г. № 1).

***) Это были генералы Бриммеръ, Ковалевскій, князь Гагаринъ, Майдель, Вроневскій и полковникъ Кауфманъ.

равьевъ просто изложилъ причины, заставившія его рѣшиться на приступъ и приказалъ читать диспозицію, послѣ чего присутствовавшимъ пришлось ограничиться только нѣкоторыми мелочными замѣчаніями, и то преимущественно касавшимися самага строя, въ которомъ предполагалось атаковать непріятеля*).

Серьезное возраженіе противу диспозиціи сдѣлалъ Майдель уже по выходѣ отъ Муравьева, потребовавъ, чтобы князь Гагаринъ, вопреки распоряженіямъ главнокомандующаго, поддерживалъ свою промежуточную колонною не тѣ войска, которыя будутъ отбиты, а тѣ, которыя взойдутъ на валъ и будутъ брать батареи **). «При успѣхѣ» сказалъ ему Майдель: «ваши три свѣжіе батальона могутъ упрочить за нами побѣду; при неудачѣ они ничего не сдѣлаютъ и только напрасно увеличатъ общую потерю». Ковалевскій былъ того же самага мнѣнія. Однакоже Гагаринъ не успѣлъ привести въ исполненіе ни того, ни другого: онъ атаковалъ Яриманъ-Табію, но былъ отбитъ и Майдель лишился черезъ это содѣйствія въ самую необходимую для него минуту.

Но изъ того, что никто изъ присутствовавшихъ при совѣщаніи не выразилъ и не отстаивалъ мнѣнія о невозможности штурма, нельзя заключить еще, чтобы всѣ одинаково были убѣждены въ его успѣхѣ и необходимости. Нѣкоторые, какъ на примѣръ Ковалевскій и Майдель, были положительно противъ штурма, и не возражали только потому, что главнокомандующему были уже извѣстны ихъ мнѣнія, поднимать которыя снова, послѣ категорическаго привазанія идти на приступъ, они считали неумѣстнымъ. Когда Муравьевъ спросилъ однажды Майделя, что думаетъ онъ о приступѣ къ Карсу, тотъ отвѣчалъ: «Мы потеряемъ семь тысячъ и все-таки можемъ отступить безъ успѣха»... «Зачѣмъ вы сказали семь тысячъ», живо

*) Со словъ генерала Майделя, который настоялъ на томъ, чтобы первая линія шла не въ батальонныхъ, а въ ротныхъ колоннахъ, употребленныхъ уже имъ съ особою пользою въ 1854 году въ извѣстномъ дѣлѣ на р. Чолокѣ.

***) По диспозиціи колонна князя Гагарина должна была атаковать въ промежутокъ между укрѣпленіями Яриманъ-Табія и Тошмасъ-Табія и затѣмъ войти въ связь съ войсками остальныхъ колоннъ. (Соч. Черкесова «Блокада Карса», стр. 101).

перебилъ его Ковалевскій:» не семь, а десять, двѣнадцать тысячъ уложимъ мы въ Карсъ и все-таки ничего не подѣлаемъ *).

Почему въ военномъ совѣтѣ не участвовали нѣкоторые лица, которыя по своему положенію въ арміи имѣли на то полнѣйшее право, мы не знаемъ. Знаемъ только, что Баклановъ находился въ числѣ послѣднихъ. Онъ оставался въ Меливъ-Кѣѣ и на слѣдующій день, когда получена была диспозиція, съ удивленіемъ узналъ изъ нея, что штурмъ Чахмахскихъ высотъ порученъ былъ не ему, а генералу Базину, который съ тремя батальонами долженъ былъ прибыть изъ-подъ Ардагана **).

Базинъ дѣйствительно прибылъ 16-го числа и помѣстился съ своею пѣхотою въ д. Чаглаурѣ, подъ горою, гдѣ стоялъ въ послѣднее время баронъ Унгернъ, отодвинутый теперь къ Ардагану.

Съ прибытіемъ Базина, Баклановъ, какъ младшій въ чинѣ, поступилъ въ его командованіе. Надо сказать, что Базинъ назначенъ былъ начальникомъ ардаганскаго отряда послѣ того, какъ генераль-лейтенантъ Ковалевскій получилъ въ командованіе часть дѣйствующаго корпуса, т.-е. въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца. Будучи сперва начальникомъ резервной дивизіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, а потомъ командуя войсками въ окрестностяхъ Ардагана, Базинъ до сихъ поръ не имѣлъ случая принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Поэтому, придвинутый къ Карсу только за нѣсколько часовъ до приступа, онъ, по необходимости, вынужденъ былъ ограничиться самымъ поверхностнымъ знакомствомъ съ турецкими укрѣпленіями, насколько можно было видѣть ихъ въ зрительную трубу съ передовыхъ высотъ, занятыхъ нашими постами. Само собою разумѣется, что подобнаго знакомства было-бы весьма недостаточно, если бы Баклановъ не принялъ на себя обязанности лично сопровождать повсюду генерала Базина и дополнять своими разсказами то, чего нельзя было видѣть ни въ какія зрительныя трубы. Занимая эти мѣста съ самаго начала блокады, Баклановъ зналъ Чахмахскія высоты, какъ свои собственныя вла-

*) Со словъ барона Е. И. Майделя.

**) На военномъ совѣтѣ не участвовалъ также и графъ Пиродъ, командовавшій блокаднымъ отрядомъ у Каны-Кѣи, и назначенный во время штурма произвести диверсію противъ нижняго турецкаго лагеря.

дѣнія и указанія его, безспорно, имѣли для Базина неосцѣненную важность.

Между тѣмъ, передъ самымъ вечеромъ въ отрядъ пріѣхалъ изъ Ардагана одинъ офицеръ, который передалъ за вѣрное, что ардаганскимъ жителямъ извѣстно о нашихъ приготовленіяхъ къ штурму.—Пораженный этимъ извѣстіемъ, Язовъ Петровичъ немедленно сообщилъ о томъ главнокомандующему, прибавивъ: «Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь не нахожу нужнымъ братъ назадъ мое слово о ручательствѣ своею головою. Да будетъ она готова на плаху, если вамъ удастся занять на Шорахъ хоть уголь непріятельскаго редута»...

Въ заключеніе Бавлановъ писалъ: «диспозиціи объ общемъ движеніи и штурмѣ 17-го сентября получены мною въ три часа пополудни. Войскá стоятъ на готовѣ, и если къ вечеру не получу вашихъ приказаній объ отѣнѣ, то въ назначенный часъ двинусь вмѣстѣ съ Базинымъ по направленію къ Чакмаху».

Отвѣта не было.

Вечеромъ изъ главнаго лагеря прибылъ адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Ермоловъ*). Онъ передалъ Бавланову жонвертъ, въ которомъ заключались нѣкоторыя дополнительныя распоряженія о штурмѣ, вслѣдствіе чего Язовъ Петровичъ долженъ былъ отдѣлить дивизионъ тверскаго полка съ однимъ орудіемъ, для наблюденія за Карадагскими высотами, а съ остальною кавалеріею идти по слѣдамъ пѣхоты и въ случаѣ надобности поддерживать ея атаку на англійскія линіи.

III.

Штурмъ Карса.

«Въ самую полночь — такъ рассказываетъ К. А. Ермоловъ: два батальона бѣлостовскаго полка вмѣстѣ съ резервнымъ батальономъ грузинскаго гренадерскаго и сотнею горійской пѣшей дружины, при восьми орудіяхъ, выступили изъ лагеря подъ начальствомъ Базина**). Особымъ эшелономъ двигалась за ними кавалерія съ донскою казачьею батаре-

*) Клавдій — сынъ знаменитаго А. П. Ермолова.

***) Эти три батальона, по распоряженію главнокомандующаго, были переформированы въ четыре — каждый трехъ-ротнаго состава.

ею *). Самъ Баклановъ, съ своими пластунами, уѣхалъ впередъ показывать дорогу пѣхотѣ. Благодаря пересѣченной мѣстности и сумраку ночи, ему удалось незамѣтно подвести наши войска къ самому подножію Чавахской возвышенности. Здѣсь приказано было остановиться и отдохнуть, такъ какъ колонна Базина должна была начать атаку нѣсколько позже другихъ, направленныхъ со стороны Шораха. Пользуясь временемъ, я вызвалъ охотниковъ, надъ которыми долженъ былъ принять команду. Ихъ вышло около трехъ сотъ человѣкъ; я ихъ рассчиталъ, поставилъ въ головѣ колонны и, приказавъ быть на готовѣ, возвратился къ Базину. Ночь была холодная. Солдаты лежали на сырой землѣ и съ нетерпѣніемъ поглядывали на Карсъ, ожидая призыва къ бою.

«Нѣсколько поодаль отъ войска, на одной разостланной бурѣ лежали Баклановъ, Базинъ и я; мы разговаривали въ полголоса. Баклановъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на Шорахъ и давалъ мнѣ наставленія какъ надо дѣйствовать.

— «Ты, говорилъ онъ: направляйся съ своими охотниками прямо на крайнюю батарею... Недалеко отсюда будетъ небольшой пригорокъ, черезъ который старайся перебѣжать какъ можно скорѣе, потому что турки хватаютъ тебя картечью разомъ изъ трехъ редутовъ. Потеря будетъ большая, но если ты перебѣжишь бугоръ — батарея будетъ взята. Брустверь въ ней не высокій; подсаживайте одинъ другого; въ случаѣ пошатнутся охотники — держись: я буду близко и въ ту же минуту прискачу съ казаками... Если ворвешься одинъ, помни: какъ только подоспѣтъ пѣхота — иди правѣе: тамъ батареи идутъ за батареями; но это ничего: старайся только захватывать ихъ съ горжи...

«Несмотря на разговоры, время тянулось для всѣхъ невыносимо медленно. Наступалъ разсвѣтъ, а грозная крѣпость казалась погруженною въ глубокой сонъ: такъ тихо и безмолвно было на ее батареяхъ. Многимъ эта зловѣщая тишина вовсе не показалась зловѣщею; они рассчитывали напротивъ, что турки безопасно предаются сну и торопились воспользоваться благо-

*) 8 эскадроновъ тверскаго драгунскаго полка, 10 сотенъ донскихъ и линейныхъ казаковъ, 7 орудій донской батареи Двухжоннаго и 8 ракетныхъ станковъ.

приятною минутою. Иначе думалъ объ этомъ Баклановъ. «Помните»—сказалъ онъ Базину:— «турецкая пѣхота стоитъ на валахъ и молча ждетъ нападенія».

«Прошло еще съ полчаса. Вдругъ на Шорахъ грянулъ пушечный выстрѣлъ и страшная канонада съ его батареей подтвердила справедливыя опасенія Бакланова. Не теряя времени, я ринулся впередъ съ своими охотниками; приказалъ имъ сбросить каски, чтобы не заниматься пустою перестрѣлкою, и быстро сталъ подниматься на крутую Чахмахскую гору. Пѣхота отъ насъ не отставала. Ночь еще не развидѣлась. Надо было знать, въ какомъ разстояніи находимся мы отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Вопросъ этотъ предложили Бакланову.

— «Они—отвѣчалъ Я. П.: подпускаютъ насъ близко и не будутъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока охотники не появятся вонъ, на томъ бугорочкѣ; теперь же мы находимся отъ батареи на пушечный выстрѣлъ *)».

Дѣйствительно, какъ только охотники взбѣжали на бугоръ—со всѣхъ батарей грянулъ убійственный залпъ и непріятельскіе снаряды, съ воемъ и визгомъ, полетѣли надъ нашими колоннами. Лошадь подъ Ермоловымъ была убита; ядро сорвало съ него шапку*); картечь контузила его въ пахъ, но медлить было нельзя: онъ крикнулъ «впередъ!» и, обѣжавъ редутъ, атаковалъ его съ горжи. Въ ту же минуту подоспѣли штурмовыя колонны. Базинъ находился впереди, съ охотниками, и вмѣстѣ съ ними верхомъ вбѣжалъ въ укрѣпленіе. Съ паденіемъ перваго редута, второй держался не долго; но турки перебѣжали въ третій и оттуда начали поражать наши войска сосредоточеннымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ эту минуту Баклановъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями пѣхоты, привелъ въ карьеръ донскую батарею и началъ осыпать непріятеля картечью; къ нему присоединилась пѣшая артиллерія. Тогда, повинувъ и этотъ редутъ, турки искали спасенія уже въ Вели-Табіи, но это постыдное бѣгство послу-

*) Кромѣ записокъ Я. П. Бакланова, на это есть указаніе и въ воспоминаніяхъ о походѣ въ Азіатскую Турцію (См. В. Сб. 1868 г. № 6, стр. 273).

**) Въ лошадь попало 8 картечныхъ пуль, изъ которыхъ одна зацѣпила Ермолова, но, къ счастью, будучи на излетѣ, причинила ему только сильную контузію. Около этого же времени и Яковъ Петровичъ былъ контуженъ ядромъ въ голову; но оба они остались во фронтѣ.

жило только въ ихъ гибели, потому что казаки, взобравшіеся на валъ въ разныхъ мѣстахъ, нанали на нихъ въ промежуткѣ между укрѣпленіями.

Третій редутъ, тотчасъ же занятый ротой гренадеровъ, отдѣлялся отъ Вели-Табін глубокою лощиною, вдоль которой, со стороны занятыхъ нами укрѣпленій, тянулись завалы, составляющіе родъ траверзовъ. Сюда собралась вся наша пѣхота, а между тѣмъ Баклановъ распорядился ввести въ покинутые редуты спѣшенными казачьи сотни.

Такимъ образомъ, въ исходѣ пятого часа вся линія Чамакскихъ укрѣпленій находилась въ нашихъ рукахъ, со всею своею артиллеріею. Взяты были 15 орудій, два знамени, 12 значковъ, лагерь и нѣсколько плѣнныхъ. Будь въ это время подъ рукою три, четыре свѣжіе батальона, можно было бы сдѣлать попытку противу самой Вели-Табін. Ермоловъ, съ горстію своихъ охотниковъ, бросился было въ ея укрѣпленіямъ, но встрѣченный картечью изъ тридцати орудій, вынужденъ былъ посрѣдѣ укрѣпленій за траверсами. Надо было ждать подкрѣпленія.

О Еще въ разгарѣ самаго боя, когда пѣхота овладѣла первымъ редутомъ, Баклановъ послалъ Скопина, находившагося при немъ ординарцемъ, извѣстить главнокомандующаго объ этомъ успѣхѣ. Слѣдомъ за нимъ поѣхалъ корунжій Баклановъ *), съ донесеніемъ о занятіи нами уже всей англійской линіи и съ просьбою прислать подкрѣпленіе.

— Какъ счастливъ ты, сказалъ главнокомандующій, выслушавъ Скопина: что можешь передавать мнѣ подобное извѣстіе. Взгляни на Шорахъ: тамъ нѣтъ успѣха **)!

Въ это время подскакалъ къ нему капитанъ Ермоловъ.

— Ваше высокопревосходительство! Я присланъ отъ генерала Базина просить четыре батальона.

— Что вы тамъ сдѣлали? спросилъ главнокомандующій.

— Видли все, что было назначено по диспозиціи, отвѣчалъ Ермоловъ; теперь дѣло остановилось; войскъ мало; мы не можемъ взять Вели-Табін, но если угодно будетъ прислать четыре батальона, мы перейдемъ оврагъ и черезъ полчаса соединимся

*) Младшій сынъ Якова Петровича.

***) Записано со словъ Скопина.

съ вами на Шорахѣ. Баклановъ и Базинъ приказали сказать, что головами ручаются за успѣхъ предпріятія.

— Подожди, сказалъ главнокомандующій отрывисто.

Онъ началъ слѣдить въ подзорную трубу за ходомъ боя на Шорахскихъ высотахъ. Прошло съ четверть часа. Ермоловъ рѣшился напомнить о себѣ, но получилъ тотъ же лаконическій отвѣтъ: «обождать!» Свободныхъ войскъ подъ рукою рѣшительно не было. Послѣдніе резервы или введены были въ дѣло, или двигались къ Шораху, чтобы поддерживать колонну храбраго Майделя, которая, взобравшись на шорахское плато, гибла въ бесполезныхъ усиліяхъ овладѣть Тахмасъ-Табіею. Двѣ остальные колонны *) были отбиты и отведены обратно въ лагерь. Главнокомандующій казался чрезвычайно озабоченнымъ. «Скажи скорѣе назадъ», сказалъ онъ наконецъ Ермолову: «и скажи Бакланову и Базину, чтобы отступали; у меня огромная потеря и я не могу овладѣть Шорахомъ».

Ермоловъ поскакалъ **).

Между тѣмъ турки, видя бездѣйствіе отряда, занявшаго англійскія линіи, оправившись отъ страха и начали поражать его перекрестнымъ огнемъ съ Вели-Табіи и съ Карадага. Было уже восемь часовъ утра; разсвѣло совершенно. Изъ Карса вышла значительная колонна и пошла на помощь войскамъ, сражавшимся на Шорахѣ. Она проходила по ту сторону скалистаго оврага, отдѣлявшаго Чакмахскую гору отъ города. Четыре орудія донской батареи Двужоннаго сыпнули по ней вартечью; но турки, устилая путь трупами, прошли мимо редутовъ и скрылись за невышшенностью. Вслѣдъ затѣмъ Баклановъ прислалъ сказать Базину, что дѣла на Шорахѣ идутъ плохо, и что пѣхотѣ надо или укрѣпиться, гдѣ стоять, или отступить, потому что турки, управившись съ колонною Майделя, тотчасъ пойдутъ на выручку англійской линіи.

Это предсказаніе не замедлило исполниться. Въ исходѣ 11-го часа головы турецкихъ батальоновъ, спускавшихся съ Шораха, стали показываться уже въ Чакмахской лощинѣ и скоро крайній, ближайшій къ Вели-Табіи редутъ былъ сильно атакованъ неприятельскими толпами. Три нападенія были отбиты, но дер-

*) Генераловъ Ковалевскаго и князя Гагарина.

***) Изъ рассказовъ К. А. Ермолова.

жаться долѣе было бесполезно. Приѣхалъ Ермоловъ и передалъ приказаніе отступить: «Шорахъ уже покинули—сказалъ онъ Базину:—потеря громадная; Шорахскую гору не видать за нашими убитыми и ранеными»....

Бавлановъ вышелъ изъ редутовъ послѣднимъ. По его приказанію казаки подняли на лошадей три непріятельскія орудія, а остальные, подъ его наблюденіемъ, были заклепаны, сброшены съ лафетовъ и вообще приведены въ такое состояніе, что не могли вредить намъ во время отступленія.

Вся кавалерія, стоявшая за скатомъ горы, теперь выдвинулась впередъ и, пропустивъ за себя пѣхоту, также начала отходить эшелонами. Турки, высыпавшіе изъ укрѣпленій, стали на нее насѣдать. Въ одну минуту сборный линейный казачій полкъ, князя Витгенштейна, повернулъ на лѣво-кругомъ и гиенулъ въ пашки. Атава, по словамъ Якова Петровича, произведена была съ такою энергіею, каковую рѣдко доводилось ему видѣть за всю боевую службу. Рубя бѣгущую пѣхоту, линейцы буквально втоптали ее въ самый редуть и прежде, чѣмъ непріятель, опомнившись, открылъ огонь, они въ рассыпную унеслись изъ-подъ выстрѣловъ. Пользуясь этой атакой, кавалерія успѣла поднять убитыхъ и раненыхъ *).

Войска продолжали отступать, какъ вдругъ на передовыхъ высотахъ опять загорѣлась страшная канонада. Яковъ Петровичъ поднялся на пригорокъ и съ удивленіемъ замѣтилъ какую-то часть, пробивавшуюся съ Шораха въ нашу сторону. Это былъ подполковникъ Михаилъ Кауфманъ, отрѣзанный съ батальономъ рязанскаго полка и охотниками изъ колонны Майделя на Шорахскихъ высотахъ; онъ пробивался съвозъ всю непріятельскую линію къ Чахмаху, въ надеждѣ присоединиться къ Базину, но Базинъ, какъ мы сказали, уже оставилъ турецкіе редуты. Соображая мѣстность, Бавлановъ увидѣлъ, что батальонъ, спускавшійся въ Чахмахскую лощину, долженъ будетъ проходить у самой подошвы башибузукской горы, гдѣ скрытно стояли два турецкіе батальона и батарея изъ пяти орудій. Миновать эту батарею было нельзя и турки ожидали только минуты, когда колонна поровняется съ ними, чтобы засыпать ее картечью.

*) Въ отрядахъ Бавланова и Базина. Князь Витгенштейнъ за эту атаку и капитанъ Ермоловъ за взятіе орудій въ непріятельскихъ редутахъ—по удостоенію кавалерской думы—награждены были орденомъ св. Георгія 4 ст.

Къ счастью, Кауфманъ во время остановился и послалъ казака извѣстить о своемъ положеніи Базина. Донской урядникъ, раненый и на раненой лошади, издали завидѣвъ Бацланова, подсакалъ къ нему съ словами: «Ваше превосходительство! спасите подполковника Кауфмана». Болѣе разспрашивать было нечего. Трубачъ, находившійся съ Бацлановымъ, подавъ сигналъ остановить пѣхоту, а Яковъ Петровичъ, схвативъ донскую батарею, маршъ-маршемъ понесся съ нею къ чакмахскому обрыву *). По его командѣ батарея снялась съ передковъ и, послѣ трехъ убійственныхъ залповъ, открыла бѣглый огонь, подъ повровительствомъ котораго Кауфманъ двинулся впередъ и благополучно вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ турецкихъ укрѣпленій, вынеся съ собою до ста пятидесяти раненыхъ. Между тѣмъ турецкіе батальоны, разстроенные огромною потерю, обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ изъ числа пяти—три подбитыя орудія и зарядный ящикъ, взорванный нашею гранатою.

Этимъ эпизодомъ закончился штурмъ передовыхъ карсскихъ укрѣпленій.

Попытка овладѣть ими стоила намъ 4 генераловъ, 248 офицеровъ и до семи тысячъ нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя **). Изъ этого числа на долю Базина потеря сравнительно пала ничтожная и не превышала 475 человекъ ***). Трофеи, добытые на штурмѣ, принадлежали большею частію также колоннѣ Базина: она вынесла съ собою три непріятельскія орудія и 14 знаменъ, украсившихъ собою ставку главнокомандующаго ****).

Сличая официальные донесенія генераль-адъютанта Муравьева съ частными записками современниковъ и нѣкоторыми сочиненіями иностранныхъ писателей, нельзя не придти къ заключенію,

*) Батарея эта дѣйствовала подъ прикрытіемъ дивизіона тверскаго полка, который былъ спѣшенъ для того, чтобы представить меньшую цѣль непріятельской артиллеріи.

***) Надо полагать, что на самомъ дѣлѣ потеря въ офицерахъ была нѣсколько болѣе, потому что многіе раненые и контуженные, оставаясь во фронтѣ, не пошли потомъ на перевязочный пунктъ и не попали въ списокъ, представленный главнокомандующему. Мы укажемъ только на двухъ: генерала Бацланова и капитана Ермолова, но, по всей вѣроятности, вромѣ ихъ были и другія лица.

****) Въ томъ числѣ 16 офицеровъ.

*****) Четвертое орудіе было взято на Шорахъ.

что, помимо общих распоряжений во время самого боя *), неудача штурма объясняется слѣдующими главнѣйшими причинами:

- 1) Огромнымъ урономъ въ людяхъ.
- 2) Потерю главныхъ начальниковъ во всѣхъ трехъ колоннахъ, атаковавшихъ Шорахъ.
- 3) Неудачнымъ выборомъ главнаго пункта атаки.
- 4) Готовностію турокъ встрѣтить наше нападеніе—и
- 5) Недостаточнымъ знакомствомъ колонныхъ начальниковъ съ мѣстностію Шораха,—вслѣдствіе чего генералъ Ковалевскій началъ движеніе ранѣе, чѣмъ-бы слѣдовало, принявъ влѣво и попалъ во входящую часть ренисовской линіи подъ страшный перекрестный огонь. Почти тоже самое произошло со второю колонною князя Гагарина, а резервъ ея и вовсе не участвовалъ въ дѣлѣ: онъ очутился непонятнымъ образомъ гдѣ-то далеко, на лѣвомъ флангѣ атакующей линіи, и уже впоследствии присоединился къ Майделю.

Неудачу третьей колонны обыкновенно приписываютъ тому, что войска, бывшія подъ командою храбраго Майделя, неожиданно нашли редутъ заменутымъ съ горжи и встрѣтили превосходящія силы, которыя непріятель успѣлъ стануть сюда послѣ отраженія несвоевременныхъ атакъ Ковалевскаго и князя Гагарина:

«Русская пѣхота **), говоритъ генералъ Кмети: «выказала до конца величайшую неустрашимость; но все дѣло въ цѣломъ было ведено безъ глубокихъ соображеній, на авось. Русскій главнокомандующій, полагая, безъ сомнѣнія, что горжа Топмасской флешы была не сомкнута, основалъ свой планъ штурма именно на этомъ предположеніи и, повидимому, ни на минуту не опасался возможности неудачи. Встрѣтивъ непредвидимую преграду, онъ не измѣнилъ своихъ первоначальныхъ предположеній и упорствовалъ въ намѣреніи буквально схватить быка за рога».

По мнѣнію Вильямса, неудача произошла оттого, «что ту-

*) Главнокомандующій во время штурма находился на Столовой горѣ. Молчаливъ, серьёзенъ и спокоенъ, сидѣлъ онъ на камнѣ, слѣдя за ходомъ боя въ трубу: «когда пробьетъ барабанъ къ штурму—я уже болѣе не начальникъ», говорилъ онъ. Свита адъютантовъ и ординарцевъ стояла въ сторонѣ въ почтительной тишинѣ и въ полной готовности... (Воспоминаніе о Карсѣ А. Корсакова).

**) Описаніе блокады Карса въ 1855 году, Георгія Кмети.

ре́зная армія стояла въ полной готовности отразить нападеніе. Русскіе это скоро замѣтили и, несмотря на то, что дѣло потеряло безвозвратно характеръ нечаяннаго нападенія, все-таки направили главныя колонны на Шорахскія высоты. Тогда, продолжаетъ Вильямсъ, я снялъ шляпу и, обратившись въ окружавшимъ меня генераламъ, поздравилъ всѣхъ съ побѣдою: овладѣтъ Шорахомъ посредствомъ открытаго штурма было дѣломъ болѣе, чѣмъ невозможнымъ».

Къ вечеру, по окончаніи боя, войска возвратились на прежнія позиціи.

«На слѣдующій день — говоритъ въ своихъ запискахъ Баклановъ — я сидѣлъ въ палаткѣ мрачный, подавленный тяжелой скорбью о тѣхъ потеряхъ, которыя я предрѣзалъ, но которыя предотвратить было не въ моей власти. Наконецъ я не выдержалъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ главнокомандующему.

«Муравьевъ встрѣтилъ меня сухимъ и суровымъ вопросомъ: — «Что вамъ угодно?»

«Я вспыхнулъ и отвѣчалъ: пріѣхалъ я только для того, чтобы спросить: кто оказался правымъ — генераль-ли Муравьевъ или генераль Баклановъ?»

«Главномандующій не нащелся что отвѣтить.

«Я повернулся, вышелъ изъ палатки, сѣлъ на коня и уѣхалъ къ своему отряду».....

IV.

Послѣ штурма.

Меликъ-кѣйскій отрядъ снова поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе генерала Бакланова. Рѣшено было продолжать блокаду. Эта настойчивость главнокомандующаго, рѣшившагося оставаться подъ Карсомъ, вопреки мнѣнію многихъ генераловъ, составляетъ дѣйствительную и едвали ни единственную заслугу въ эту компанію: генерала Муравьева: ей обязаны мы покореніемъ Карса и плѣненіемъ анатолійской арміи.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ извѣстіе о неудачѣ подъ Карсомъ поразило всѣхъ своею неожиданностію. Тамъ ожидали совершенно противнаго. «Письмо, въ которомъ вы сообщаете о неудачномъ штурмѣ, предпринятомъ 17 сентября на укрѣпленія Карса» — писалъ военный министръ къ генералу Муравьеву —

немедленно было отправлено мною въ г. Николаевъ на высочайшее усмотрѣніе государя императора».

«Извѣстіе это конечно будетъ весьма горестно для его величества. Нельзя не скорбѣть о тяжелой потерѣ, понесенной храбрыми нашими войсками и въ особенности о томъ, что вы лишились при этомъ многихъ достойнѣйшихъ помощниковъ».

«Искренно оплакивая потерю столькихъ героевъ, столько опытныхъ и даровитыхъ военачальниковъ, я, съ другой стороны, не теряю надежду, что государь императоръ найдетъ много утѣшительнаго въ подробностяхъ описываемыхъ вами событій, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что войска кавказскія и въ этотъ несчастный день явили себя вполне достойными своей славы».....

Первые дни послѣ штурма прошли въ тревожномъ ожиданіи вылазки со стороны непріятеля. Носились слухи, что турки, пользуясь одержанною побѣдою, намѣрены пробиться изъ Карса, или напасть на отрядъ Бакланова и, уничтоживъ его, принудить насъ къ отступленію отъ крѣпости. Ожиданія эти разрѣшились однакоже тѣмъ, что ночью, 10-го октября, изъ Карса выступила партія лазовъ, думая пробраться черезъ отрядъ Бакланова, но замѣченная во время, она была окружена и послѣ недолгаго, слишкомъ неравнаго для нея боя, положила оружіе, въ числѣ двухъ офицеровъ и 116 нижнихъ чиновъ. При лазахъ найдено было семь знаменъ иррегулярнаго войска.

Взятіемъ этихъ трофеевъ ованчивается дѣятельность Якова Петровича, какъ начальника самостоятельнаго отряда. Спустя нѣсколько дней послѣ описанной стычки, утромъ 13 октября, онъ получилъ предписаніе главнокомандующаго, въ которомъ между прочимъ сказано было, «что на случай выступленія части дѣйствующаго корпуса изъ-подъ Карса, блокадная линія, со всеми остающимися въ ней войсками, поступаетъ въ полное вѣдѣніе генералъ-маіора Бакланова, которому предписывалось тотчасъ сдать меликъ-вѣйскій отрядъ полковнику Тихоцкому*), а самому прибыть въ главную квартиру для полученія на этотъ счетъ личнаго приказанія».

Поводомъ къ такому распоряженію послужило слѣдующее: по-

*) Вслѣдъ за этимъ начальникомъ меликъ-вѣйскаго отряда назначенъ былъ генералъ Базинъ.

лучены были свѣдѣнія, что Омеръ-Паша, двинувшись въ Гурію, въ то же время направилъ особый отрядъ къ сторонѣ Ахалцыга съ тѣмъ, чтобы войти въ связь съ войсками, стоявшими около Арзерума. Вслѣдствіе этого главнокомандующій, предписавъ генералу Базину перейти опять въ Амаръ-агу и оттуда дѣйствовать независимо отъ главныхъ силъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя будутъ получаться о неприятелѣ со стороны Аджаріи*), разсчитывалъ самъ итти къ Саганлугу на встрѣчу Селимъ-Пашѣ, котораго предполагалъ уже въ движеніи къ Карсу**) и побѣдою въ полѣ ослабить впечатлѣніе, произведенное на край нашею послѣднею неудачею. Поэтому, когда Баглановъ явился къ Муравьеву, между ними произошелъ извѣстный разговоръ, который самъ Яковъ Петровичъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

— «Я потребовалъ васъ, сказалъ мнѣ главнокомандующій, для того, чтобы передать нѣкоторыя приказанія на случай моего выступленія. Вы конечно знаете обязанности, которыя будутъ лежать на васъ, какъ на намальникѣ блокадной линіи.

— «Знаю, отвѣчалъ я: и постараюсь, насколько сумѣю исполнить ихъ.

— «Обязанности эти велики, но я надѣюсь на васъ болѣе, чѣмъ на кого-нибудь другого, продолжалъ главнокомандующій: дѣло вотъ въ чемъ: я получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Селимъ-Паша двинулся изъ Арзерума и намѣренъ угрожать мнѣ въ то время, когда Омеръ-Паша будетъ приближаться сюда изъ Батума***). Цѣль ихъ, какъ понимаю я, достигнуть Карса и продлить оборону, пока не подоспѣютъ французскіе или англійскіе десанты. Надо разстроить этотъ планъ, надо помѣшать ихъ соединенію и разбить Селима, прежде чѣмъ Сердаръ успѣетъ перейти черезъ горы. Скажите мнѣ, что вы объ этомъ думаете?

— «Если вы требуете моего сужденія, возразилъ я, то дол-

*) Базину разрѣшалось при этомъ не только перейти въ Ахалцыгъ, но даже имѣть въ готовности 1-й батальонъ Вѣлостокскаго полка съ вьючнымъ обозомъ для отправленія его, если укажетъ надобность, горами черезъ М. Багдадъ прямо въ Кутансъ, оставивъ въ этомъ случаѣ только конно-мусульманскій полкъ въ Ардаганѣ для сообщенія черезъ этотъ пунктъ съ нашими главными силами.—(Ар. генер. шт. переписка г.-а. Муравьева.)

**) Селимъ-Паша назначенъ былъ муширомъ въ г. Арзерумъ и принялъ Вели-Пашу подъ свое начальство.

***) Въ это время у насъ еще не знали о дѣлѣ на берегу Ингура и о наступленіи Омеръ-Паша къ предѣламъ Мингреліи.

женъ сознаться, что я на вашемъ мѣстѣ не позволилъ бы себѣ ни на одинъ шагъ отступить отъ вѣрности.

— «А почему такъ?»

— «Потому что вѣсти, полученные вами изъ Арзерума, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Селимъ, подобно Вели-Пашѣ, бѣгавшему цѣлую кампанію передъ ничтожнымъ отрядомъ Сулова, имѣетъ войско составленное на половину изъ башибузуровъ. Число ихъ не можетъ простираться свыше 10, 12 тысячъ. Вѣроятно ли, чтобы съ такими малыми средствами онъ перешелъ Саганлугскія горы и далъ-бы полевое сраженіе? Другое дѣло Омеръ-Паша: въ его распоряженіи находится до тридцати тысячъ войсва; но время года не позволить ему и думать объ открытіи новой кампаніи. Теперь уже октябрь: дороги повсюду испорчены, рѣки въ разливѣ, горы завалены снѣгомъ и черезъ нихъ нельзя переправить не только обозовъ, но даже полевую артиллерію. Съ чѣмъ-же онъ явится? Съ одними ружьями, да съ двухъ, трехъ-дневнымъ продовольствіемъ, принесеннымъ въ ранцахъ! Нѣтъ, ваше высочайшее превосходительство, я полагаю, что Омеръ-Паша не будетъ такъ простъ, чтобы попасть въ западню и утверждаю, что полученные вами свѣдѣнія — утка.

— «Какая-же цѣль ея?» спросилъ Муравьевъ.

— «А вотъ какая. Кто изъ насъ поручится, что въ Пенявахъ не заготовлено нѣсколько тысячъ вьюковъ съ продовольствіемъ, которые ожидаютъ только случая, чтобы проникнуть въ вѣрность. Лучшее средство для этого вонечно отвлечь часть нашего корпуса въ противоположную сторону. И вотъ, лазутчики посланы. Положившись на нихъ, вы отойдете отъ Карса, а турки сдѣлаютъ сильную вылазку, раздвинутъ нашу блокадную линію и впустятъ къ себѣ цѣлые транспорты продовольствія. Если это случится, тогда всѣ жертвы и труды нынѣшней кампаніи останутся безплодными. — Быть можетъ я ошибаюсь, что позволяю себѣ опровергать полученные вами свѣдѣнія. Но допустимъ, что со стороны Батума и Арзерума дѣйствительно приближаются сильные сивурсы. Ну, что-же? въ добрый часъ! На вашемъ мѣстѣ я приказалъ-бы раздвинуть блокадную линію и пропустить ихъ въ Карсъ безъ всякаго препятствія. Торжество турокъ будетъ не продолжительное. Напротивъ, они придутъ въ отчаяніе, какъ только узнаютъ, что ни Омеръ-Паша, ни Селимъ-Паша не при-

несли съ собою продовольствія. Въ два, три дня эти свѣжіе массы истребить послѣдніе, скудные запасы гарнизона и тогда, чтобы не погибнуть съ голоду, вынуждены будутъ или дать полевое сраженіе, или положить оружіе. Въ первомъ случаѣ всѣ шансы будутъ на нашей сторонѣ, потому что мы владѣемъ сильною артиллерію, тогда какъ наши противники должны ограничиться одними штуцерниками*); во второмъ — вы будете имѣть удовольствіе видѣть въ плѣну не только главнокомандующаго анатолійскимъ корпусомъ, но самого Сердаря съ его значительною арміею.

— «Позвольте, перебилъ меня Муравьевъ: вы справедливо сказали, что въ Пенякахъ могутъ быть транспорты; но развѣ эти транспорты не могутъ доставиться въ Карсъ, подъ прикрытіемъ сорока-тысячнаго корпуса?»

— «Могутъ. Но въ этомъ случаѣ я попрошу ваше высокопревосходительство дать мнѣ полную свободу дѣйствія съ моими казаками. Ручаюсь вамъ головою, что ни одинъ ешакъ, навьюченный чѣмъ-бы то ни было, не проскользнетъ къ непріятелю.

«Муравьевъ задумался.

— «Да, вы правы, сказалъ онъ наконецъ и подалъ мнѣ руку: я остаюсь подъ Карсомъ.....»

Несмотря на такое рѣшеніе, часть дѣйствующаго корпуса все-таки продолжала находиться въ полной готовности къ выступленію въ 24 часа, если-бы того потребовала надобность; Яковъ Петровичъ также оставался въ главной квартирѣ и, переселившись внизъ, за Карсъ-Чай, помѣстился въ палатѣ казачьяго полковника Петрова**). Морозы въ это время доходили уже до нѣсколькихъ градусовъ; лагери обстроились теплыми землянками и турецкія названія деревень совершенно исчезли изъ разговорнаго языка. Солдаты прозвали Меликъ-Кей «Баклановкою» и это названіе удержалось до самаго конца, несмотря на то, что меликъ-бейскимъ отрядомъ командовалъ уже не Яковъ Петровичъ.

Жилъ онъ въ это время далеко не роскошно, отказывая себѣ часто въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Одинъ изъ адью-

*) У насъ было извѣстно, что полевая артиллерія не могла выступить изъ Карса по недостатку лошадей.

**) Командовалъ 1-мъ сборнымъ линейнымъ казачьимъ полкомъ.

тантовъ Муравьева *) довелъ объ этомъ до свѣдѣнія главнокомандующаго, прибавивъ, что наканунѣ Яковъ Петровичъ при немъ отдалъ послѣдній имперіаль какому-то лазутчику, являющемуся къ нему изъ Карса. Муравьевъ тотчасъ пригласилъ Бакланова.

— «Я пришелъ къ нему, рассказываетъ Яковъ Петровичъ: вечеромъ, запросто, какъ для обыкновенной бесѣды. Мы долго говорили о положеніи Карскаго гарнизона, какъ вдругъ главнокомандующій круто перемѣнилъ разговоръ.

— «Правда ли, что вы въ кругу своихъ задушевныхъ друзей говорите, что знаете въ Карсѣ такое мѣсто, на которое съ ручательствомъ за успѣхъ можно повторить нападеніе?

— «Правда, отвѣчалъ я: пунетъ этотъ лежитъ на карадагскихъ высотахъ, но шансы какъ на успѣхъ, такъ и на неудачу совершенно равны.

— «Почему такъ?

— «Потому что Карадагскія высоты могутъ быть взяты только врасплохъ; слѣдовательно малѣйшая оплошность съ нашей стороны прибавитъ къ жертвамъ 17 сентября только новыя и бесполезныя жертвы.

— «А сколько по вашему соображенію потребовалось-бы войска?

— «Войско здѣсь ничего не значитъ, отвѣчалъ я: здѣсь надо темную ночь, да тысячу самыхъ отборныхъ охотниковъ, которые были-бы способны, какъ змѣи, проползти между неприятельскими укрѣпленіями. Резервы должны оставаться въ лагеряхъ и броситься только тогда, когда охотники будутъ уже на батареяхъ. Условія, какъ видите, нелегкія. Если охотники сохранять порядокъ, если резервы не потеряютъ ни одной минуты—успѣхъ несомнѣнёнъ; въ противномъ случаѣ потеря будетъ больше, нежели была 17-го.

«Муравьевъ молчалъ нѣсколько времени.

— «Скажите мнѣ, но скажите откровенно, восликнулъ онъ. вдругъ съ необыкновенною живостью: что думаете вы о духѣ нашего войска? Пойдутъ ли солдаты на вторичный приступъ?

— «Пошли-бы, но въ сожалѣнію минувшій штурмъ лишилъ

*) Капитанъ Е.

насъ лучшихъ офицеровъ, въ которыхъ они питали неограниченную довѣренность.

— «А вы то что-же? перебилъ Муравьевъ, начиная горячиться. Развѣ я не знаю, что васъ они считаютъ своимъ божкомъ, и что за вами пойдутъ въ огонь и въ морскую пучину.

— «Быть можетъ это и такъ, отвѣчалъ я: но вспомните, ваше высокопревосходительство, что на штурмѣ 17 сентября не я одинъ былъ божкомъ этого храбраго войска. Майдель былъ боготворимъ солдатами и потеря его была поворотною точкою цѣлаго сраженія. Ковалевскаго любили не менѣе. Пока я живъ, ручаюсь, что войска пойдутъ за мною, куда бы я ни повелъ ихъ; но пуля дура; картечь и ядро—не умнѣе. Если меня убьютъ, охотники останутся одни, потому что кромѣ меня да трехъ человекъ пластуновъ, никто не знаетъ карадагской возвышенности. Поэтому, продолжалъ я, если вы хотите узнать мои мысли, я никогда не посоветую вамъ предпринимать вторичнаго приступа. Покореніе Карса надо предоставить времени, а время это не за горами и черезъ двѣ, черезъ три недѣли, турки непременно положить оружіе.

«Вскорѣ послѣ этого разговора, продолжаетъ Баклановъ, главнокомандующему кто-то представилъ необходимость уничтожить турецкій ауль Шорахъ, расположенный у высотъ того же названія, откуда турки будто-бы добывали топливо. Главнокомандующій приказалъ назначить для этой цѣли отрядъ подъ моимъ начальствомъ. Однакоже мнѣ объявили объ этомъ только тогда, когда до выступленія отряда оставалось не болѣе получаса.

«Я бросился къ корпусному командиру, чтобы просить его объ отмѣнѣ этого приказанія, потому что для разборки аула достаточно было послать ночью однихъ охотниковъ. Когда я началъ говорить, что ауль находится подъ выстрѣлами крѣпости, что потеря будетъ большая, меня не хотѣли слушать, меня старались увѣрить, что я ошибаюсь и приводили въ доказательство то, что во время штурма ни одинъ непріятельскій снарядъ не упалъ даже близко отъ этого мѣста.

«Я отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ слогаю съ себя всякую отвѣтственность, но выведя колонну изъ лагеря остановилъ ее близъ Столовой горы и выслалъ впередъ однихъ охотниковъ, за которыми въ полуверстѣ долженъ былъ подвигаться обозъ, назначен-

ный для вывозки изъ аула годнаго дерева. Кавалерія шла за обозами. Я самъ поѣхалъ впередъ и, поднявшись на небольшой пригорокъ, сталъ наблюдать въ подзорную трубу за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Въ редутахъ уже били тревогу. Какъ только обозначилось движеніе нашей колонны, турки стали въ ружье и скоро съ передовой батареи загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Началась канонада. Снаряды, перелетая аулъ, стали ложиться въ обозъ. Къ счастью, войска остановлены были внѣ выстрѣла. Я тотчасъ потребовалъ къ себѣ на пригорокъ нѣкоторыхъ начальниковъ и предложилъ имъ полюбоваться картиною.

— «Это удивительно, ваше превосходительство, отвѣчали мнѣ: надо полагать, что послѣ штурма турки поставили сюда орудія большого калибра.

— «Казакъ! подыми ядро! сказалъ я ординарцу и пригласилъ присутствующихъ посмотреть какого оно калибра.

«Ядро оказалось шести-фунтовое.

«Я приказалъ начать отступленіе, не скрывая уже болѣе нажившей досады»....

Размолвка эта была доведена до главнокомандующаго и имѣла послѣдствіемъ то, что Баклановъ до самаго паденія Карса жилъ при главной квартирѣ, не получая уже никакихъ порученій.

Наконецъ, 16 ноября 1855 г. Карсъ сдался.....

В. А. Потто.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И КОНЧИНА М. И. ГЛИНКИ.

(Воспоминанія сестры его, Л. И. Шестаковой *)).

1854—1857.

I.

Жизнь въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1854 г.—Друзья и знакомые.—Зима въ Петербургѣ.—Заботы о вѣстницѣ.—«Дѣтская поляна». — «Торжественный польскій». — А. С. Даргомыжскій. — Глинка на представленіи оперы: «Жизнь за Царя». — Церковная музыка. — Новая опера: «Дружеская». — Характеръ Глинки. — Послѣдній отъѣздъ за границу.

1854—1856 гт.

Братъ окончилъ свои записки 1854 годомъ, приѣздомъ своимъ въ Царское, а умеръ онъ въ 1857 г. Я хочу, насколько па-

*) Помѣщаемія здѣсь «Воспоминанія Л. И. Шестаковой» замѣчаютъ біографію М. И. Глинки, изложенную имъ въ его запискахъ. См. «Русск.»